Посоветуйтесь с Дживсом!

Автор:
Пелам Вудхаус

Посоветуйтесь с Дживсом!

Пелам Гренвилл Вудхаус

Дживс и Вустер

«В каком состоянии сейчас Дживсовы мозги?» – этот вопрос волнует всех без исключения близких и дальних Бертрама Вустера. И это не случайно. Ведь стоит Берти услышать мольбы страждущих о помощи, он неизменно отвечает: «Посоветуйтесь с Дживсом!» И тогда… тогда достопочтенный мистер Филмер будет спасен, и прозвучит Песня Песней, и дружище Бинго снова обретет крепкий сон и семейное счастье.

Пелам Гренвилл Вудхаус

Посоветуйтесь с Дживсом!

Глава 1

Дживс и грозная поступь рока

Стояло утро того дня, когда мне было предписано мчаться сломя голову к моей тетке Агате в Вуллем-Черси, графство Хартфордшир, чтобы провести там целые три недели, и, сидя за завтраком, я чувствовал – не побоюсь признаться, – что сердце мне придавил увесистый булыжник. Мы, Вустеры, славимся отвагой и мужеством, но в ту минуту под внешней твердостью во мне гнездился

безотчетный страх.

– Дживс, – сказал я, – нет больше прежнего, веселого Бертрама.

– В самом деле, сэр?

– Да, Дживс. Он испарился, улетучился.

– Весьма огорчен, сэр.

Он снял крышку с блюда, на котором благоухала яичница с беконом, и я уныло ковырнул ее вилкой.

– Зачем?! Зачем, спрашиваю я себя, зачем тетка Агата приглашает меня в свое поместье?

– Не могу сказать, сэр.

– Она же меня терпеть не может.

– Это верно, сэр.

– Я ей как кость в горле, это общеизвестный факт. Ума не приложу, в чем тут дело, но всякий раз, как наши с тетушкой Агатой дорожки сходятся, я рано или поздно попадаю, мягко говоря, впросак, и она заносит над моей головой карающий топор. Кто я в ее глазах, как не жалкий червь и отброс общества! Дживс, я прав или нет, как вы полагаете?

– Совершенно правы, сэр.

– И тем не менее тетушка требует, чтобы я отменил все ранее назначенные встречи и летел на всех парах в Вуллем-Черси. У нее наверняка какие-то гнусные расчеты, о которых нам с вами ничего не известно. У меня на сердце камень, но ответьте, Дживс, – поднимется ли у вас рука осуждать за это своего господина?

– Никогда, сэр. Прошу прощения, сэр, но, кажется, звонят в дверь.

Дживс растворился в воздухе, а я еще раз вяло ткнул вилкой в яичницу с беконом.

– Телеграмма, сэр, – сказал Дживс, возникая в пространстве.

– Вскройте ее, Дживс, и прочтите. От кого она?

– Она без подписи, сэр.

– Вы хотите сказать, в конце нет имени?

– Как раз это я и стремился выразить, сэр.

– Дайте взглянуть.

Я внимательно вчитался в текст. Телеграмма была странная. Очень странная. Другого слова не подберешь. Вот что там значилось:

Запомни когда здесь появишься жизненно необходимо прикинуться незнакомыми.

Мы, Вустеры, не отличаемся быстрой сообразительностью, особенно поутру, и я ощутил тупую боль между бровями.

– Дживс, что это значит?

– Понятия не имею, сэр.

– Тут написано «когда здесь появишься». Где это «здесь»?

– Обратите внимание, сэр, телеграмма отправлена из Вуллем-Черси, сэр.

– Совершенно верно. Из Вуллем, как вы тонко подметили, Черси. Это нам о чем-то говорит, Дживс.

– О чем именно, сэр?

– Не знаю. Может быть, телеграмма от тетушки Агаты, как вы думаете?

– Вряд ли, сэр.

– Верно, вы опять правы. В таком случае с полным основанием можно утверждать только то, что некто неизвестный, проживающий в Вуллем-Черси, считает жизненно необходимым, чтобы я прикинулся незнакомым с ним. Дживс, но почему я должен прикинуться, что мы не знакомы?

– Понятия не имею, сэр.

– Однако если посмотреть с другой стороны, то почему бы и не прикинуться?

– Совершенно справедливо, сэр.

– В таком случае из этого следует, что имеет место некая тайна и только время поможет ее раскрыть. А нам, Дживс, остается лишь ждать.

– Именно это я и хотел сказать, сэр.

Я прибыл в Вуллем-Черси около четырех и застал тетю Агату в ее кабинете за сочинением писем. Насколько я знаю свою тетушку, она всегда писала людям гадости с ядовитыми постскриптумами. Взгляд, которым она меня наградила, не сиял от радости.

– А, это ты, Берти.

– Да, я.

– У тебя нос в саже.

Я усердно поработал носовым платком.

– Хорошо, что ты приехал пораньше. Хочу перемолвиться с тобой словом до того, как ты встретишься с мистером Филмером.

– С кем?

– С мистером Филмером, это член кабинета министров. Он у нас сейчас гостит. Неужели ты не слышал о мистере Филмере? Быть такого не может!

– Конечно, слышал! – сказал я, хотя понятия не имею, что это за тип. Я плохо разбираюсь в наших политических деятелях.

– Желательно, чтобы ты произвел на мистера Филмера хорошее впечатление.

– Нет проблем.

– Оставь этот развязный тон. И не думай, будто тебе ничего не стоит произвести на мистера Филмера хорошее впечатление. Он известный политический деятель, выдающаяся личность, и его ждет великое будущее. А ты легкомысленный, никчемный и пустой оболтус. Скорее всего мистер Филмер отнесется к тебе настороженно.

Неприятно слышать такое поношение из уст кровной родственницы, – впрочем, мне не привыкать.

– Поэтому здесь ты должен постараться не выглядеть легкомысленным, никчемным и пустым оболтусом. Прежде всего ты бросишь курить.

– Ну, знаете!

– Мистер Филмер – президент Лиги противников курения. Второе: ты откажешься от употребления алкогольных напитков.

– Пропади все пропадом!

– И сделай одолжение, не вздумай заводить речь о барах, бильярдных и актрисах. Мистер Филмер будет составлять о тебе мнение главным образом из бесед с тобой.

Тут я затронул принципиальный вопрос:

– Хорошо, но зачем я должен производить впечатление на этого… на мистера Филмера?

– Затем, что таково мое желание, – отрезала тетка, бросив на меня суровый взгляд.

Не самый находчивый ответ, можно бы придумать и получше, но другого объяснения мне не дождаться, и потому я поспешно ретировался с ощущением сердечной тоски.

Я побрел в парк, и первый, на кого я наткнулся, был Бинго Литтл, провалиться мне на месте.

Мы с ним дружим, можно сказать, с пеленок. Родились в одном городке, чуть не в один день, вместе пошли в детский сад, потом в Итон и в Оксфорд, а достигнув зрелых лет, на славу покутили в добром старом Лондоне. Если кто и может облегчить крестные муки моего пребывания в этом вредоносном месте, так это Бинго Литтл.

Но как он здесь оказался, было выше моего разумения. Не так давно он женился на известной писательнице Рози М. Бэнкс, и когда я видел его в последний раз, он готовился ехать с женой в Америку, куда ее пригласили читать лекции. Отлично помню, как он проклинал все на свете, потому что из-за этого путешествия придется пропустить скачки в Аскоте.

И как ни странно, он сейчас находился здесь. Мне не терпелось увидеть лицо друга, и я завопил, как на охоте:

– Бинго!

Он обернулся, и, поверьте, то, что я увидел, не было лицом друга. Лицо было все перекошено. Он замахал руками, будто сигнальщик на вахте.

– Ш-ш, – зашипел он. – Хочешь меня погубить?

– А?

– Не получил мою телеграмму?

– Значит, это была твоя телеграмма?

– Разумеется, моя.

– Тогда почему ты не подписался?

– Я подписался.

– В том-то и дело, что нет. Я ничего не понял.

– Но ты ведь получил мое письмо.

– Какое письмо?

– Мое письмо.

– Не получал я никакого письма.

– Значит, я забыл его отправить. Я тебе сообщал, что нахожусь здесь как репетитор твоего двоюродного брата Томаса и что, когда мы встретимся, ты должен сделать вид, будто мы незнакомы. Это для меня очень важно.

– Но почему?

– Если твоя тетка догадается, что я твой друг, она тут же откажет мне от места.

– Почему?

Бинго поднял брови:

– Почему? Берти, ну ты сам подумай. Если бы ты был твоей теткой и знал, что ты за тип, допустил бы ты, чтобы твой ближайший друг был наставником твоего сына?

Моя бедная голова пошла кругом, но скоро я все-таки сообразил, что в его словах кроется много суровой правды и здравого смысла. Однако Бинго не объяснил мне, в чем суть или, если хотите, смысл этой таинственной истории.

– Я думал, ты в Америке, – сказал я.

– Нет, я не в Америке.

– Почему?

– Не важно. Не в Америке, и все.

– Зачем ты нанялся в репетиторы?

– Не важно. Есть причины. Берти, я хочу, чтобы ты хорошенько вбил себе в голову, намертво вбил: никто не должен заподозрить, что мы с тобой друзья. Позавчера этого мерзкого мальчишку, твоего кузена, застукали с сигаретой, он курил, забравшись в кусты, и из-за этого мое положение здесь сильно пошатнулось. Твоя тетка сказала, что, если бы я надлежащим образом следил за ребенком, ничего подобного бы не произошло. И теперь, стоит ей обнаружить, что мы с тобой друзья, она тут же вышвырнет меня вон, спасения нет. А я должен остаться здесь, это вопрос жизни и смерти.

– Почему?

– Не важно почему.

В этот миг, видимо, послышались чьи-то шаги, и он проворно нырнул за лавровый куст. А я поплелся к Дживсу, дабы обсудить с ним эти странные события.

– Дживс, – сказал я, входя в спальню, где он распаковывал мои чемоданы, – вы помните ту телеграмму?

– Да, сэр.

– Ее отправил мистер Литтл. Он живет здесь в качестве воспитателя моего кузена Томаса.

– В самом деле, сэр?

– Ничего не понимаю. Ведь он вольная птица. Может ли вольная птица без всякой на то причины поселиться в доме, где живет моя тетя Агата?

– Весьма эксцентричный поступок, сэр.

– Более того, станет ли кто-нибудь по доброй воле, просто ради удовольствия, заниматься обучением моего кузена Томаса, известного тупицы и изверга рода человеческого?

– Крайне проблематично, сэр.

– Тайна за семью печатями, Дживс.

– Совершенно верно, сэр.

– И что самое ужасное в этой истории: чтобы сохранить за собой место, мистер Литтл шарахается от меня как от прокаженного. И значит, умирает моя единственная надежда сколь-нибудь пристойно провести время среди этой мерзости запустения. Дживс, известно ли вам, что тетка запретила мне курить, пока я здесь нахожусь?

– Возможно ли это, сэр?

– И пить тоже.

– Но почему, сэр?

– Потому что она желает из каких-то неведомых мне побуждений, которых не хочет раскрывать, чтобы я произвел хорошее впечатление на некоего Филмера.

– Весьма неприятно, сэр. Однако многие врачи, как мне известно, приветствуют подобное воздержание как путь к оздоровлению организма. Они утверждают, что при этом улучшается кровообращение и обеспечивается защита кровеносных сосудов от преждевременного затвердения.

– В самом деле? В следующий раз передайте этим вашим врачам, что они ослы.

– Слушаюсь, сэр.

Окидывая взором свое богатое событиями прошлое, могу с уверенностью сказать, что с этой минуты потянулась череда самых тоскливых дней, какие выпали на мою долю. Ни тебе выпить животворящего коктейля перед обедом, ни выкурить с наслаждением сигарету, ибо каждый раз приходилось распластываться в спальне на полу и выпускать сигаретный дым в камин. А каково постоянно натыкаться на тетю Агату в самых неожиданных местах? А нравственные мучения из-за необходимости якшаться с достопочтенным А.Б. Филмером? Так недолго и умом тронуться.

Каждый день я играл с достопочтенным Ф. в гольф. Чего только не вынес Бертрам, влача это непосильное бремя: в кровь кусал губы, до боли сжимал кулаки. Играл достопочтенный Ф. из рук вон плохо, при этом болтал не закрывая рта, так что у меня в глазах темнело. Словом, я стал отчаянно жалеть себя. И вот однажды вечером, когда я одевался к обеду, ко мне в комнату проскользнул Бинго и отвлек от моих собственных забот.

Если друг попал в переделку, мы, Вустеры, мгновенно забываем о себе. А старина Бинго влип по уши, это было видно невооруженным глазом. Он напоминал кошку, которую только что пнули и уже занесли ногу, чтобы пнуть еще раз.

– Берти, – сказал Бинго, уселся на кровать и помолчал минуту-другую, насыщая пространство тоской и унынием, – в каком состоянии сейчас Дживсовы мозги?

– По-моему, крутятся на полных оборотах. Дживс, как насчет серого вещества? Оно у вас хорошо функционирует?

– Да, сэр.

– Слава Богу, – сказал Бинго, – потому что мне требуется наисерьезнейший совет. Если здравомыслящие люди не предпримут решительных шагов, чтобы мне помочь, мое имя будет втоптано в грязь.

– Что у тебя стряслось, старина? – сочувственно спросил я.

Бинго теребил покрывало.

– Сейчас расскажу, – сказал он. – И объясню, почему я торчу в этом треклятом доме и вожусь с мальчишкой, которого следует хорошенько отходить розгой, а не обучать латыни и греческому. Берти, я здесь потому, что для меня это единственный выход. В последнюю минуту перед тем, как отплыть в Америку, Рози решила, что мне лучше остаться и присматривать за нашим китайским мопсом. Она оставила мне две сотни фунтов стерлингов продержаться до ее возвращения. Этой суммы, распредели я ее рачительно на весь срок, вполне хватило бы нам с мопсом на жизнь в умеренном благополучии. Ах, Берти, Берти, ты и сам все понимаешь.

– Что понимаю?

– Кто-то подкатывается к тебе в клубе и начинает убеждать, что, мол, есть одна кляча, которая непременно выиграет скачки, даже если подхватит люмбаго и гельминтоз в десяти ярдах от старта. Я был уверен, Берти, что выгодно вложил капитал в надежное дело.

– То есть ты поставил все деньги на эту лошадь?

Бинго горько засмеялся:

– Если ее можно назвать лошадью. Не рвани она перед финишем, стала бы участницей следующего заезда. Словом, она пришла последней, и я оказался в ужасном положении. Любым путем надо было изыскать средства к существованию до возвращения Рози, чтобы она ничего не узнала. Рози – прекрасная женщина, но, будь ты женат, Берти, ты бы знал – даже лучшая из жен придет в негодование, обнаружив, что муж просадил все деньги на скачках.

Вы со мной согласны, Дживс?

– Да, сэр. В этом отношении женщины ведут себя странно.

– Решать надо было немедленно. Того, что осталось после катастрофы, хватило, чтобы поместить мопса на шесть недель в «Комфортабельный собачий питомник» в Кингсбридже, это в графстве Кент. А сам я без гроша в кармане бросился искать место преподавателя. Подвернулся этот сорванец Томас. И вот я здесь.

Слов нет, печальная повесть, но, как ни ужасно постоянное общение с тетей Агатой и юным Тосом, по-моему, Бинго успешно выкрутился из труднейшего положения.

– Тебе осталось потерпеть несколько недель, и все устроится в наилучшем виде.

Бинго мрачно хмыкнул:

– Всего несколько недель! Буду счастлив, если продержусь тут еще несколько дней. Помнишь, я тебе говорил, что вера твоей тетки в меня как в наставника ее тупицы-сыночка пошатнулась, когда его застукали с сигаретой? Оказывается, застукал Тоса этот самый Филмер. Десять минут назад Томас мне объявил, что готовит страшную месть Филмеру за то, что тот наябедничал твоей тетке. Не знаю, что паршивец задумал, но если он осуществит свою месть, мне конец. У твоей тетки на Филмере свет клином сошелся, она выставит меня в два счета. А Рози вернется только через три недели!

Я все понял.

– Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Я все понял. А вы поняли?

– Да, сэр.

– В таком случае сплотим ряды.

– Боюсь, сэр…

Бинго тихо застонал.

– Дживс, только не говорите, что вам ничего не приходит в голову, – проговорил он срывающимся голосом.

– В данный момент ничего не приходит. Весьма огорчен, сэр.

Бинго жалобно заскулил, как бульдог, которому не дали печенья.

– Ладно, тогда мне остается только одно, – мрачно сказал он, – ни на минуту не спускать глаз с этого кретина.

– Совершенно верно, – сказал я. – Неустанная бдительность, да, Дживс?

– Несомненно, сэр.

– И все-таки, Дживс, – сказал Бинго тихим, проникновенным голосом, – вы ведь обдумаете мое положение, правда?

– Несомненно, сэр.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не за что, сэр.

Надо сказать, что когда наставала пора решительных действий, Бинго проявлял энергию и упорство, вызывающие невольное уважение. Думаю, в последующие два дня не было минуты, когда Тос мог бы себе сказать: «Наконец-то я один!» Но к концу второго дня тетя Агата объявила, что утром приедут гости поиграть в теннис, и на меня напал страх, что катастрофа разразится.

Понимаете, Бинго из тех ненормальных, которые, схватившись за теннисную ракетку, впадают в состояние транса, и все, что выходит за пределы корта, перестает для них существовать. Если в разгар сета вы сообщите Бинго, что пантеры пожирают в огороде его лучшего друга, он рассеянно глянет на вас и проронит: «А? Что?» Я знал, что Бинго теперь и не вспомнит о юном Томасе и достопочтенном Филмере, пока на корте не стукнет последний мяч. Поэтому вечером, переодеваясь к обеду, я услышал грозную поступь рока.

– Дживс, – сказал я, – вы когда-нибудь задумывались о жизни?

– Время от времени, сэр, на досуге.

– Жестокая штука, верно?

– Жестокая, сэр.

– Понимаете, нам кажется одно, а выходит совсем другое.

– Позволю заметить, сэр, брюки следует на полдюйма поднять. Чуть-чуть подтяните подтяжки, и мы добьемся желаемого эффекта. Вы говорили, сэр…

– Вот, например, Вуллем-Черси. Может показаться, здесь собралось веселое, беззаботное общество и приятно проводит время в загородном доме. Но под сверкающей поверхностью мчатся губительные потоки. Посмотришь, как достопочтенный Филмер уплетает за завтраком лосося под майонезом, и подумаешь: вот самый беззаботный человек на свете. А тем временем неумолимая судьба подкрадывается к нему все ближе. Как вы думаете, Дживс, что именно собирается выкинуть это исчадие ада?

– В ходе непринужденной беседы, которая сегодня состоялась у меня с юным джентльменом, сэр, он сообщил мне, что читает книгу под названием «Остров сокровищ» и что на него произвел сильное впечатление один из персонажей, а именно капитан Флинт. Насколько я понимаю, юный джентльмен обдумывает, не следует ли ему в своих поступках подражать упомянутому капитану.

– Боже милостивый, Дживс! Если я не путаю, этот Флинт крушил всех подряд своей саблей. Дживс, как вы считаете, может Томас наброситься с саблей на

мистера Филмера?

– Возможно, у юного джентльмена не имеется сабли, сэр.

– Ну, не с саблей, так еще с чем-нибудь.

– Нам остается только ждать, сэр. Галстук, если позволите заметить, сэр, следует затянуть чуть-чуть туже. Наша цель – добиться максимально приближенного к совершенству эффекта бабочки. Если позволите, сэр…

– Дживс, какое значение имеет галстук в данное время? Неужели вы не понимаете, что семейное счастье мистера Литтла висит на волоске?

– Не бывает такого времени, сэр, чтобы галстук не имел значения.

Я видел, как страдает бедный малый, но даже не попытался пролить бальзам на его рану. Какое слово вертится у меня на языке? Вспомнил – озабочен. Я был слишком озабочен, знаете ли. И в смятении. Чтоб не сказать – истерзан тревогой. Тревога продолжала терзать меня и на следующий день, когда в половине третьего на теннисном корте началось веселье. День стоял душный, жаркий, временами раздавались раскаты грома; казалось, даже воздух пропитан угрозой.

– Бинго, – сказал я, когда мы с ним вышли на корт в первой парной игре, – как ты думаешь, что сегодня выкинет юный Тос – ведь за ним не следит твое недремлющее око?

– А? – рассеянно отозвался Бинго. Лицо его уже обрело особое выражение теннисного маньяка, глаза остекленели. Он взмахнул ракеткой и негромко фыркнул.

– Я его нигде не вижу, – сказал я.

– Кого не видишь?

– Его не вижу.

– Кого – его?

– Тоса.

– Зачем он тебе?

Я понял, что говорить с ним бесполезно.

Единственное, что меня утешало, так это присутствие среди зрителей достопочтенного Филмера, зажатого между двумя дамами под зонтиками. Здравый смысл мне подсказывал, что даже такой поднаторевший в каверзах мальчишка, как Тос, вряд ли решится на дерзкую выходку, если объект занимает столь стратегически сильную позицию. Успокоившись, я с азартом отдался игре и как раз обставлял местного викария, когда над головой послышался раскат грома и хлынул дождь.

Все в панике бросились в дом и вскоре собрались в гостиной к чаю. Вдруг тетя Агата, оглядев стол поверх сандвича с огурцом, сказала:

– А где мистер Филмер?

Такого потрясения я давно не испытывал. Только что я жил совсем в другом мире: вот моя стремительная подача, мяч со свистом летит над сеткой; служитель церкви не успел опомниться, а я, гибко изогнувшись, уже вывожу мяч на центральную линию… Я с грохотом свалился с небес на землю. Пирожное выскользнуло из моих дрогнувших пальцев, шмякнулось на пол, и теткин спаниель Роберт немедленно его сожрал. Я снова услышал грозную поступь рока.

Филмер был не из тех, кто способен легкомысленно пренебречь чаем, – вы, я думаю, и сами понимаете. Большой любитель поесть, питающий особо нежную привязанность к вечернему чаю с горячей сдобой, он до сегодняшнего дня возглавлял наш общий забег к кормушке. Несомненно, только вражеские козни могли помешать достопочтенному, нагулявшему отменный аппетит, вовремя явиться в гостиную.

– Должно быть, он попал под дождь и укрылся где-нибудь в парке, – сказала тетя Агата. – Берти, ступай поищи мистера Филмера. И захвати для него плащ.

– Будет сделано! – сказал я. В эту минуту моим заветным желанием было отыскать достопочтенного. И я надеялся найти его не в виде хладного трупа.

Надев плащ и взяв второй под мышку, я дал полный вперед, но в холле наткнулся на Дживса.

– Дживс, – сказал я, – боюсь, что случилось худшее. Нет мистера Филмера.

– Да, сэр.

– Я должен обшарить весь парк и найти его.

– Вероятно, я смогу упростить вам задачу, сэр. Мистер Филмер находится на острове посреди озера.

– В такой дождь! Вот болван! Почему он не вернулся?

– У него нет лодки, сэр.

– А как он очутился на острове?

– Приплыл на лодке, сэр. Но мастер Томас отправился вслед за мистером Филмером и отвязал его лодку. Минуту назад мастер Томас посвятил меня в обстоятельства дела. Оказывается, капитан Флинт имел обыкновение высаживать своих врагов на необитаемые острова. Мастер Томас счел, что самое мудрое – последовать примеру капитана Флинта.

– Но Боже мой, Дживс! Должно быть, мистер Филмер промок до нитки.

– Да, сэр. От мастера Томаса не укрылась эта сторона дела.

Пришло время действовать.

– Дживс, пойдемте со мной!

– Слушаюсь, сэр.

Я ринулся к сараю, где стояли лодки.

Муж моей тетки Агаты, Спенсер Грегсон, не пренебрегающий игрой на фондовой бирже, недавно неплохо нажился на акциях компании «Каучук Суматры», и тетя Агата, выбирая себе поместье, за ценой не постояла и развернулась вовсю. Огромный холмистый парк простирается на несколько миль, пышные купы деревьев в изобилии снабжены воркующими голубями и прочей разноголосой птицей, сад утопает в розах; конюшни, надворные строения, флигели составляют довольно разухабистый ансамбль. Но главная примечательность поместья – озеро.

Оно раскинулось к востоку от дома, за розарием, и занимает несколько акров. Посреди озера – остров. Посреди острова – строение, именуемое Октагоном. На крыше этого самого Октагона, как раз посередине, точно фигура, украшающая фонтан, восседал достопочтенный А. Б. Филмер, и с него ручьями стекала вода. Мы поплыли к острову, я изо всех сил греб, а Дживс управлял штурвальным тросом, и вскоре услышали крики, которые по мере приближения становились все громче. Минуту спустя я увидел и самого достопочтенного Филмера, причем в этом ракурсе казалось, что он гнездится поверх кустов. По-моему, даже если ты член кабинета министров, у тебя должно хватить мозгов спрятаться под деревом, а не торчать как пень на открытом месте.

– Дживс, возьмите чуть правее.

– Слушаюсь, сэр.

Я проворно причалил.

– Подождите меня здесь, Дживс.

– Хорошо, сэр. Старший садовник сегодня утром мне сообщил, сэр, что недавно на этом острове лебедь свил гнездо.

– Дживс, сейчас не время совершать экскурсы в естественную историю, – с легким неодобрением сказал я, ибо дождь все усиливался и брюки у меня сильно намокли.

– Как вам будет угодно, сэр.

Я стал продираться сквозь кусты. Путь оказался нелегким, и на первых же ярдах я понял, что обеднел ровно на восемь фунтов и одиннадцать пенсов – столько стоили мои теннисные туфли на рифленой подошве, но я не сдался и вскоре выбрался на расчищенную площадку перед Октагоном.

Упомянутое сооружение было воздвигнуто в конце прошлого века и предназначалось, как мне говорили, для дедушки прежнего владельца поместья, дабы старичок мог предаваться игре на скрипке в тихом и удаленном от дома месте. Я достаточно знаю о скрипачах и могу себе представить, сколь душераздирающие звуки производил здесь в свое время старый джентльмен, но, уверен, они показались бы райской музыкой в сравнении с теми воплями, которые доносились сейчас с крыши Октагона. Достопочтенный Филмер не заметил прибытия спасательной экспедиции и надрывался изо всех сил, стараясь, чтобы его услышали в доме, отделенном от острова водными просторами; могу вас заверить, что у достопочтенного был реальный шанс добиться успеха. Он обладал дискантом редкой пронзительности – мне казалось, что над головой с визгом проносятся пули. Самое время, подумал я, послать ему добрую весть, что помощь подоспела, а то сорвет голос.

– Эй! – крикнул я, дождавшись короткой паузы.

Достопочтенный высунул голову из-за карниза.

– Эй! – взвыл он и завертел головой во все стороны, упорно не желая увидеть меня.

– Эй!

– Эй!

– Эй!

– Эй!

– Ах! – сказал он, наконец заметив меня.

– Порядок! – откликнулся я, чтобы заверить достопочтенного Филмера в моих добрых намерениях.

Честно говоря, нашу беседу трудно было назвать содержательной; возможно, вскоре она сделалась бы более плодотворной, но в тот самый миг, когда я готовился произнести нечто важное, послышался шипящий звук, будто рядом разворошили змеиное гнездо, и слева от меня из кустов внезапно вырвалось что-то огромное белое и разъяренное. Я нутром понял – надо спасаться, и взмыл как фазан; плохо соображая, что делаю, я отчаянно карабкался по стене. В дюйме от моей левой лодыжки что-то сильно захлопало по стене, и тут все сомнения у меня исчезли – внизу мне делать нечего, остается только рваться «сквозь льды и снега во весь опор, знамя держа в руках с девизом загадочным “Эксцельсиор”».[1 - ...с девизом загадочным «Эксцельсиор»... – из стихотворения Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Эксцельсиор» (1842).]

– Будьте осторожны! – заблеял сверху достопочтенный.

Мог бы и помолчать.

Тот, кто строил Октагон, вероятно, предвидел подобный ход событий. По всей высоте стены через правильные промежутки шли пазы, будто специально предназначенные для рук и ног, и вскоре я, припарковавшись на крыше рядом с достопочтенным, стал глядеть на гигантского лебедя в припадке злобы. Он топтался внизу, вытягивая шлангоподобную шею. Меня так и подмывало схватить кусок кирпича и, хорошенько прицелившись, запустить в подлую птицу. Я не стал противиться порыву, швырнул кирпич – и не промахнулся.

Достопочтенный, как мне показалось, остался недоволен.

– Не дразните его! – сказал он.

– Он сам меня дразнит, – ответил я.

Лебедь вытянул еще футов восемь своей шлангообразной шеи и издал звук, с каким вырывается пар из лопнувшей трубы. Дождь продолжал лить с неослабевающей яростью, и я пожалел, что в смятении, которым сопровождалось мое карабканье по стене, я сразу же выронил плащ, предназначенный для достопочтенного узника. Хотел было предложить ему свой, но здравый смысл возобладал.

– И как это он вас не цапнул? – удивился я.

– Еще чуть-чуть – и цапнул бы, – отвечал он, бросая вниз взгляд, полный отвращения. – Пришлось удирать со всех ног.

Достопочтенный, надо отметить, был низенький, бочкообразный человечек. Казалось, его, будто какую-то жидкую субстанцию, все лили и лили в одежду, забыв сказать «Хватит!». Забавно было бы посмотреть, как он тут демонстрировал чудеса ловкости, подумал я и невольно улыбнулся.

– Не вижу ничего смешного, – сказал достопочтенный, переводя взгляд, полный отвращения, с разъяренной птицы на меня.

– Прошу прощения.

– Птица могла меня изувечить.

– Хотите, я еще раз съезжу по ней кирпичом?

– И не вздумайте. Вы только ее разозлите.

– Ну и что? Ведь она, по-моему, с нашими чувствами не слишком считается.

Тут достопочтенный Филмер решил обсудить со мной другую сторону дела:

– Не могу понять, как могла уплыть моя лодка, я ведь накрепко ее привязал к ивовому пню.

– Совершенно загадочный случай.

– Подозреваю, что какой-то озорник нарочно ее отвязал.

– Ну что вы, вряд ли! Вы бы увидели.

– Дело в том, мистер Вустер, что за кустами ничего не видно. Кроме того, меня сегодня из-за жары одолевала сонливость, и, сойдя на остров, я немного вздремнул.

Мне не хотелось, чтобы достопочтенный развивал эту тему, и я поспешил перевести разговор в другое русло.

– Довольно мокро, как вы считаете? – сказал я.

– Представьте, я успел это заметить, – отозвался достопочтенный противным ядовитым тоном. – Тем не менее благодарю за то, что привлекли мое внимание к этому обстоятельству.

Насколько я понял, тема погоды не слишком вдохновляла достопочтенного. Тогда я сделал попытку поговорить о птицах, населяющих близлежащие графства.

– Замечали ли вы, – начал я, – что брови у лебедя сходятся на переносице?

– Да уж, я на них вдоволь нагляделся. Представилась такая возможность.

– Из-за этого у них такой недружелюбный вид, верно?

– И нрав тоже. Знаю, на себе испытал.

– Странно, – сказал я, с воодушевлением развивая птичью тему, – что у лебедей семейная жизнь так дурно влияет на расположение духа.

– Послушайте, нельзя ли выбрать иной предмет для разговора? Дались вам эти лебеди!

– Да, но все-таки это очень интересно. В том смысле, что этот наш приятель там, внизу, наверняка в обычной жизни отличный парень, всеобщий любимец, знаете ли. Просто из-за того, что его драгоценная половина свила здесь гнездо…

Я запнулся. Вы вряд ли мне поверите, но до этой минуты я в суматохе и не вспомнил, что, пока мы сидим, загнанные на крышу, где-то на заднем плане бродит обладатель могучего разума, и если ему сообщить о нашей беде и призвать его сплотить ряды, он в пять минут найдет десяток способов нас выручить.

– Дживс! – заорал я.

– Сэр? – донесся издалека почтительный голос.

– Мой слуга, – объяснил я достопочтенному. – У него феноменальные способности и невероятная находчивость. Он в минуту вызволит нас отсюда. Дживс!

– Сэр?

– Я сижу на крыше.

– Очень хорошо, сэр.

– Что же тут хорошего? Помогите нам. Мы с мистером Филмером в безвыходном положении.

– Очень хорошо, сэр.

– Хватит твердить «Очень хорошо, сэр». Не вижу ничего хорошего. Все вокруг кишит лебедями.

– Я немедленно приступлю к выполнению ваших указаний, сэр.

Я посмотрел на достопочтенного. Даже рискнул похлопать его по спине – будто по мокрой губке шлепнул.

– Порядок, – сказал я. – Сейчас придет Дживс.

– Какой от него толк?

Я слегка нахмурился. Достопочтенный говорил брюзгливым тоном, и это мне не понравилось.

– Поймете, когда увидите его в действии, – ответил я довольно холодно. – Он может выбрать любую стратегию. Но в одном вы должны быть совершенно уверены – Дживс найдет выход. Вот он уже идет, крадется сквозь подлесок, лицо его светится умом. Нет предела его интеллектуальным возможностям. Он питается одной рыбой.

Я наклонился и заглянул вниз.

– Дживс, следите за лебедем.

– Я держу птицу под неусыпным наблюдением, сэр.

Лебедь снова отмотал изрядный отрезок шеи и вытянул ее в нашу сторону, но тотчас же обернулся. Голос с тыла привел его в замешательство. Он подверг Дживса быстрому внимательному осмотру, потом вдохнул воздух, угрожающе зашипел, подпрыгнул и ринулся вперед.

– Берегитесь, Дживс!

– Слушаюсь, сэр.

Я заранее мог бы сказать этому лебедю, что ничего у него не выйдет. Среди своих собратьев он, возможно, числился интеллектуалом, но тягаться с Дживсом – куда там! Лучше бы ему сразу убраться подобру-поздорову.

Каждому молодому человеку, начинающему самостоятельную жизнь, следует знать, как справиться с разъяренным лебедем, поэтому я вкратце изложу соответствующую процедуру. Сначала надо подобрать оброненный кем-то плащ, потом, точно рассчитав расстояние, набросить плащ птице на голову, после этого вы подсовываете под птицу багор, который предусмотрительно захватили

с собой, и поднимаете. Лебедь оказывается в кустах и изо всех сил старается освободиться, а вы не спеша возвращаетесь к лодке, прихватив ваших друзей, которые в эту минуту, возможно, сидели на крышах где-то поблизости. Именно такой метод применил Дживс, и, по-моему, усовершенствованию он не подлежит.

Достопочтенный развил невероятную скорость – никогда бы не подумал, что он на такое способен. Не прошло и минуты, как мы сидели в лодке.

– Вы действовали весьма толково, любезный, – обратился достопочтенный к Дживсу, когда мы отошли от берега.

– Я стараюсь быть полезным, сэр.

Видимо, достопочтенный сказал все, что имел сказать на данную минуту. Он съежился и погрузился в размышления. Казалось, совсем ушел в себя. Даже когда у меня сорвалось весло и я вылил, наверное, пинту воды ему за ворот, он и ухом не повел.

И только когда мы причалили к берегу, он снова вернулся к жизни:

– Мистер Вустер.

– Да?

– Я обдумывал обстоятельство, о котором уже вам сообщал ранее, каким образом могла отвязаться лодка, на которой я приплыл на остров.

Мне это не понравилось.

– Загадка, да и только, – сказал я. – Не стоит ломать голову. Все равно не разгадать.

– Ничего подобного. Я пришел к выводу, который мне кажется единственно правдоподобным. Я убежден, что лодку угнал Томас, сын хозяйки дома.

– Нет-нет, не думаю. Да и зачем?

– У него на меня зуб. И вообще, совершить подобный поступок может или ребенок, или слабоумный.

Достопочтенный направился к дому, а я в ужасе уставился на Дживса. Да, именно в ужасе.

– Дживс, вы слышали?

– Да, сэр.

– Что делать?

– Возможно, мистер Филмер, еще раз хорошенько подумав, придет к выводу, что его подозрения не имеют под собой почвы.

– Но ведь они имеют под собой почву.

– Да, сэр.

– Что же делать?

– Не знаю, сэр.

Я проворно направился к дому и доложил тете Агате, что с достопочтенным Филмером полный порядок, потом пошел наверх принять горячую ванну, так как в ходе спасательной экспедиции промок насквозь от носа до киля. Я наслаждался благодатным теплом, как вдруг раздался стук в дверь.

Вошел Пурвис, дворецкий тети Агаты:

– Миссис Грегсон приказала передать вам, сэр, что она желает вас видеть как можно скорее.

– Но она только что меня видела.

– Насколько я понял, она снова желает вас видеть, сэр.

– Ладно.

Я еще немного полежал в воде, потом вытерся и направился к себе в комнату, где застал Дживса, раскладывающего нижнее белье.

– Дживс, я тут подумал, надо бы дать мистеру Филмеру хинина или еще чего-нибудь. Проявить милосердие, как вы думаете?

– Я уже все сделал, сэр.

– Отлично. Не могу сказать, что испытываю к нему большую симпатию, но не хочу, чтоб он схватил простуду. – Я натянул носок. – Дживс, вы, наверное, понимаете, что нам с вами следует немедленно кое-что обдумать. В смысле – обдумать наше положение. Мистер Филмер подозревает юного Тоса в том, что тот на самом деле и совершил, и если достопочтенный сообщит о своих подозрениях тете Агате, она наверняка уволит мистера Литтла, и миссис Литтл все узнает. Какова будет развязка? Сейчас я вам объясню. Миссис Литтл получит веские улики против мистера Литтла, и хоть я и холостяк, но могу утверждать, что ради сохранения тактики взаимных уступок и компромиссов или того равновесия, на котором зиждется семейная жизнь, ни одна женщина не должна иметь улик против мужа. Женщины пускают в ход такие улики. Они ничего не забывают и не прощают.

– Совершенно справедливо, сэр.

– Ну так как нам быть?

– Я уже уладил это дело, сэр.

– Уладили?

– Да, сэр. Едва мы с вами расстались, как решение созрело у меня в уме. Случайное замечание, брошенное мистером Филмером, натолкнуло меня на мысль.

– Дживс, вы необыкновенный человек.

– Благодарю вас, сэр.

– Какое же решение вы нашли?

– Мне пришла мысль пойти к мистеру Филмеру и сказать, что это вы угнали лодку, сэр.

У меня в глазах помутилось, я лихорадочно вцепился в носок, который в этот момент натягивал на ногу:

– Что-что?

– Вначале мистер Филмер не был склонен верить моим словам. Но я указал ему на одно существенное обстоятельство: вы, несомненно, знали, что он находится на острове. Этот факт весьма многозначителен, с чем мистер Филмер не мог не согласиться. Далее я ему напомнил, что вы легкомысленный молодой человек, сэр, который вполне мог сыграть с ним такую шутку. Мне удалось до конца убедить мистера Филмера в моей правоте, и теперь нет ни малейшей опасности, что он обвинит в содеянном мастера Томаса.

Я ошеломленно уставился на злодея.

– И вы считаете, что ловко все устроили? – сказал я.

– Да, сэр. Мистер Литтл не будет уволен, как вы того желали.

– А как же я?

– Вы тоже выиграете, сэр.

– Каким же это образом?

– Сейчас объясню, сэр. Я выяснил, с какой целью миссис Грегсон вас сюда пригласила. Она желала познакомить вас с мистером Филмером в надежде, что

он предложит вам стать его личным секретарем.

– Что?!

– Да, сэр. Дворецкий Пурвис случайно слышал, как миссис Грегсон обсуждала этот вопрос с мистером Филмером.

– Стать секретарем этой жирной зануды! Дживс, я бы этого не пережил.

– Да, сэр. Я понимаю, что вы никогда бы на это не согласились. Вряд ли вы с мистером Филмером подходите друг другу. Однако если бы миссис Грегсон добилась для вас этого места, вам было бы неловко отказаться.

– Попробовал бы я отказаться!

– Именно, сэр.

– Но, Дживс, по-моему, кое-что вы упустили из виду. Как мне слинять отсюда?

– Сэр?

– Тетя Агата только что передала через Пурвиса, что желает меня видеть. Скорее всего в эту минуту она точит топор войны.

– Вероятно, самое благоразумное – не встречаться с ней, сэр.

– Но как избежать встречи?

– Непосредственно рядом с этим окном, сэр, имеется отличная, прочная водосточная труба. Через двадцать минут я мог бы подать к воротам ваш спортивный автомобиль, сэр.

Я поднял на Дживса благоговейный взгляд.

– Дживс, – сказал я, – вы, как всегда, правы. А не могли бы вы подать автомобиль через пять минут?

– Скажем, через десять, сэр.

– Идет. Приготовьте дорожный костюм, в остальном положитесь на меня. Где та водосточная труба, о которой вы так благосклонно отзывались?

Глава 2

Старина Сиппи и его комплекс неполноценности

Я смерил его холодным взглядом. Недоумение и досада владели мною.

– Дживс, ни слова больше, – проговорил я. – Вы зашли слишком далеко. Шляпы – да. Носки – да. Пальто, брюки, рубашки, галстуки, гетры – безусловно. Что касается этих предметов, я целиком полагаюсь на ваше суждение. Но когда речь идет о вазах – никогда!

– Очень хорошо, сэр.

– Вы заявляете, что эта ваза не гармонирует с обстановкой комнаты. Я решительно отвергаю in toto[1 - В целом (лат.).] ваше утверждение, что бы оно, по-вашему, ни означало. Мне ваза нравится. Я нахожу, что она живописная, броская, да и стоит всего пятнадцать шиллингов.

– Очень хорошо, сэр.

– То-то же. Если кто-нибудь позвонит, то в ближайший час я буду у мистера Сипперли в редакции «Мейферского бюллетеня».

Я удалился, храня на лице выражение сдержанного высокомерия, ибо был недоволен своим дворецким.

Прогуливаясь по Стрэнду вчера после обеда, я забрел в одну из тех лавчонок, где продавцы, завывая, как сирены в тумане, продают с аукциона всякую всячину. До сих пор не представляю толком, как это произошло, но я стал

обладателем большой китайской вазы, украшенной малиновыми драконами. Наряду с драконами присутствовали птицы, собаки, змеи и зверь, похожий на леопарда. Этот зверинец теперь обосновался на консоли над дверью моей гостиной.

Ваза мне нравилась. Она была такая яркая и веселая. Она привлекала взгляд. Вот почему, когда Дживс, слегка поморщившись, начал выступать, хоть никто его об этом не просил, как заправский искусствовед, я дал ему отпор. Подумай я хорошенько, я бы ему сказал: «Ne sutor ultra»[2 - Берти перевирает известное латинское выражение «Ne sutor supra crepidam», букв. – «Пусть сапожник судит не выше сапога».]. В том смысле, что чего ждать от камердинера, подвергающего вазы искусствоведческому анализу? Разве в его компетенции критиковать фарфор, который приобретает хозяин? Нет, нет и еще раз нет, так я ему и сказал.

В редакцию «Мейферского бюллетеня» я пришел, так и не избавившись от дурного настроения. Для меня было бы большим облегчением излить душу старине Сиппи – ведь друг, безусловно, все поймет и посочувствует мне. Рассыльный провел меня во внутреннюю комнатенку, где мой друг справлял свои редакторские обязанности. Бедняга Сиппи был по уши завален работой, и у меня просто духу не хватило плакаться ему в жилетку.

Насколько я понимаю, человек, поработав какое-то время в редакции, сгибается под бременем забот. Полгода назад Сиппи был весел и жизнерадостен: палец покажи – и он от хохота покатится. Он тогда служил, что называется, внештатно: здесь тиснет рассказик, там – стишки, и жил себе припеваючи. А с тех пор как он стал редактором этой газетенки, я его просто не узнаю.

Сегодня он, видно, совсем заредактировался, так что, временно отложив свои заботы, я постарался его ободрить и принялся расписывать, как мне понравился их последний выпуск. На самом-то деле я его, конечно, не читал, но мы, Вустеры, готовы идти на любые ухищрения, если надо поддержать друга.

Лекарство подействовало. Сиппи оживился:

– Тебе правда понравилось?

– Экстра-класс, старина.

– Каков материалец, а?

– Блеск!

– Как тебе это стихотворение – «Одиночество»?

– Потрясающе.

– Настоящий шедевр.

– Не то слово! Кто автор?

– Там же указано, – сдержанно проговорил Сиппи.

– У меня плохая память на имена.

– Его написала мисс Гвендолен Мун. Берти, ты знаком с мисс Мун?

– По-моему, нет. Приятная девушка?

– Боже мой! – вскричал Сиппи.

Я внимательно в него вгляделся. Если вы спросите мою тетушку Агату, она вам скажет – она, впрочем, скажет, даже если вы ее и не спросите, – что я тупой и бесчувственный, как пень. Примитивный, как амеба, так тетя Агата однажды обо мне отозвалась, и не могу сказать, что в общем, широком смысле она так уж не права. Однако существует одна область, в которой я детектив, не уступающий Хокшоу.[2 - …не уступающий Хокшоу… – герой пьесы Т. Тейлора «Человек с пропуском» (1863).] Могу распознать любовное томление быстрее, чем кто-либо другой в Лондоне. За последние годы так много моих друзей подхватили эту болезнь, что я ее в туманный день за милю различу. Сиппи сидел, откинувшись на спинку стула, и с отсутствующим видом жевал ластик. Я мгновенно поставил диагноз:

– Ну, дружище, выкладывай.

– Берти, я ее люблю.

– Ты ей признался?

– Что ты! Как можно?

– А почему бы нет? Вверни в разговоре, как бы между прочим.

Сиппи глухо застонал:

– Берти, приходилось ли тебе чувствовать, что ты – жалкий червь?

– А как же! С Дживсом – сплошь и рядом. Но сегодня он зашел слишком далеко. Веришь ли, дерзнул подвергнуть критике вазу, которую…

– Она настолько выше меня.

– Высокая девица?

– Духовно выше. Возвышенная душа. А кто я? Заурядное, приземленное существо.

– Ты на этом настаиваешь?

– Конечно. Разве ты забыл, как год назад в ночь после гребных гонок я схлопотал тридцать суток без права замены штрафом за то, что заехал кулаком под дых полисмену?

– Но ты же был в стельку пьян.

– Вот именно. Какое право имеет пьяница и закоренелый преступник домогаться благосклонности богини!

Сердце у меня кровью обливалось от жалости к старине Сиппи.

– По-моему, ты немного преувеличиваешь, дружище, – сказал я. – В ночь после регаты каждый человек, получивший благородное воспитание, непременно бывает вдрызг пьян, и лучшие из нас почти всегда не ладят с полицией.

Он помотал головой:

– Бесполезно, Берти. У тебя добрые намерения, но тут слова бессильны. Нет, я могу только издали ей поклоняться. В ее присутствии я немею. Язык прилипает к гортани. Я не мог бы даже собраться с духом и предложить ей… Войдите! – крикнул Сиппи.

Как раз, когда он начал свою проникновенную речь, кто-то постучал в дверь. Не столько, впрочем, постучал, сколько ударил или даже пнул. В комнату вошел высокий, внушительного вида субъект, с пронзительным взглядом и римским носом. Властный тип – пожалуй, такая характеристика больше всего к нему подходила. Мне не понравился его воротничок, а Дживс наверняка нашел бы что сказать по поводу его брюк, и все-таки вид у него был властный. От него веяло неодолимой силой. Он был похож на регулировщика уличного движения.

– А-а, Сипперли! – сказал он.

Старина Сиппи пришел в страшное волнение. Вскочил со стула и стал навытяжку с выпученными глазами.

– Садитесь, Сипперли, – сказал субъект. Меня он вниманием не удостоил. Всего лишь бросил острый взгляд, чуть повел носом в мою сторону и навсегда вычеркнул Бертрама из своей жизни. – Принес вам еще один – ха! – небольшой подарок. Посмотрите на досуге, мой друг.

– Да, сэр, – сказал Сиппи.

– Думаю, вам понравится. И вот еще что, Сипперли, – буду рад, если подберете шрифт покрупнее и разместите на более видном месте, чем мой предыдущий опус «Старинные архитектурные памятники Тосканы». Я понимаю, что в еженедельной газете всегда не хватает места – но кому понравится, что его произведение засовывают в дальний угол, среди реклам увеселительных заведений и портных? – Он замолк, и глаза у него угрожающе сверкнули. – Вы

учтете мою просьбу, Сипперли?

– Да, сэр, – сказал Сиппи.

– Весьма обязан, мой друг, – сказал субъект. Тон у него снова стал добродушный. – Надеюсь, вы меня извините. Меньше всего мне хотелось бы вмешиваться в – ха! – редакторские дела, но… Впрочем, прощайте, Сипперли. Завтра в три зайду узнать о вашем решении.

Он ретировался, оставив в пространстве зияющую брешь размером десять на шесть футов. Когда пространство сомкнулось, я откинулся на спинку стула и спросил:

– Что это было?

Я испугался: мне показалось, что старина Сиппи потерял рассудок. Он воздел руки, вцепился себе в волосы и начал их рвать, потом злобно пнул стол и упал в кресло.

– Будь он проклят! – сказал Сиппи. – Чтобы ему поскользнуться на банановой кожуре по дороге в церковь и порвать связки на обеих лодыжках!

– Кто он?

– Пусть его поразит хрипота, чтобы он не смог произнести напутственную речь по случаю окончания семестра!

– Да, но кто же он?

– Директор школы, – сказал Сиппи.

– Но, дружище…

– Директор школы, в которой я учился. – Сиппи уставился на меня безумным взглядом. – Боже мой! Берти, ты понимаешь, в какой я западне?

– Честно говоря, нет.

Сиппи вскочил со стула и забегал по комнате.

– Что ты чувствуешь, когда встречаешься с директором твоей школы? – спросил он.

– Я с ним не встречаюсь. Он умер.

– Ладно, тогда скажу, что чувствую я. Мне кажется, будто я снова в Лоуэр-Форте и классный руководитель за какую-то провинность отправил меня к директору. Берти, так однажды и было, и я помню все, как сейчас. Вот я стучу в дверь кабинета и слышу рык старика Уотербери: «Входите!» Подобный рык, наверное, слышали ранние христиане, когда их бросали в клетку льва. «Входите!» И я вхожу, еле волоча ноги. Он смотрит на меня и что-то говорит, проходит целая вечность… А потом я наклоняюсь и получаю шесть смачных ударов тростью, которая жалит как гадюка. И теперь, когда он приходит в редакцию, во мне оживают прежние чувства, и я, будто четырнадцатилетний мальчишка, лепечу: «Да, сэр», «Нет, сэр».

Теперь мне стало более или менее ясно, в чем дело. Такие артистические натуры, как Сиппи, которые ударились в сочинительство, отличаются особой чувствительностью и ни с того ни с сего впадают в истерику.

– Он все время сюда таскается, и карманы у него набиты статейками вроде «Школы при старых монастырях», «Некоторые малоизученные взгляды Тацита» и прочей дрянью. И у меня не хватает духу ему отказать. А ведь считается, что наш еженедельник призван развлекать светскую публику.

– Сиппи, ты должен проявить твердость. Да, дружище, именно твердость.

– Не могу! При виде его я чувствую себя изжеванной промокашкой. Когда он буравит меня взглядом, я совершенно теряю присутствие духа и снова становлюсь школьником. Берти, я не могу избавиться от этого комплекса. Знаешь, чем в конце концов все кончится? Владелец еженедельника заметит какой-нибудь шедевр Уотербери, решит – кстати, совершенно справедливо, – что я рехнулся, и выставит меня вон.

Я задумался. Положение было не из легких.

– А что, если… – начал я.

– Бесполезно, – сказал Сиппи.

– Есть у меня одна мыслишка…

– Дживс, – сказал я, вернувшись домой, – пораскиньте мозгами!

– Сэр?

– Отточите свой интеллект. Трудный случай, вам придется показать все, на что вы способны. Приходилось ли вам слышать о мисс Гвендолен Мун?

– Да, сэр. Перу мисс Мун принадлежат «Осенние листья», «Это было в июне» и другие произведения.

– С ума сойти, Дживс, вы знаете все на свете.

– Благодарю вас, сэр.

– Так вот, мистер Сипперли влюбился в мисс Мун.

– Да, сэр.

– Но не смеет ей признаться.

– Довольно распространенный случай, сэр.

– Считает, что недостоин ее.

– Именно, сэр.

– Да, но это еще не все. Возьмите на заметку то, о чем я вам рассказал, Дживс, и слушайте остальное. Мистер Сипперли, как вам известно, редактор еженедельной газеты, призванной развлекать светскую публику. А директор школы, где обучался мистер Сипперли, повадился приходить в редакцию и заваливать ее всяким вздором, совершенно не подходящим для развлечения светской публики. Вам все ясно?

– Совершенно ясно, сэр.

– И этот вздор мистер Сипперли вынужден публиковать вопреки собственному желанию только потому, что у него не хватает духу послать этого типа ко всем чертям. Беда в том, Дживс, что у него это самое… чем часто страдают люди такого склада, как мистер Сипперли… вертится на языке…

– Комплекс неполноценности, сэр?

– Вот-вот. Комплекс неполноценности. У меня у самого он тоже разыгрывается, когда я общаюсь с тетушкой Агатой. Вы меня знаете, Дживс. Знаете, что если потребуются добровольцы, чтобы укомплектовать спасательную шлюпку, я первый туда брошусь. Скажи мне: «Берти, не спускайся в угольную шахту» – я и ухом не поведу…

– Вне всяких сомнений, сэр.

– Однако, Дживс, я хочу, чтобы вы очень внимательно следили за ходом моей мысли. Когда я узнаю, что тетя Агата вырыла топор войны и идет на меня, я убегаю как заяц. Почему? А потому, что она будит во мне комплекс неполноценности. То же самое происходит и с мистером Сипперли. Если надо, он, не дрогнув, примет на себя смертоносный удар, но он не в состоянии сделать мисс Мун предложение, он не может дать кулаком под дых мистеру Уотербери и послать его подальше вместе с его опусами – ему мешает комплекс неполноценности. Итак, Дживс, что вы на это скажете?

– Боюсь, я не сумею экспромтом предложить надежный план действий, сэр.

– Нужно подумать?

– Да, сэр.

– Думайте, Дживс, думайте. Утро вечера мудренее. Как там у Шекспира сказано о сне?

– «Целитель сладостный природы утомленной», сэр.

– Вот-вот. Именно то, что вам нужно.

Нет ничего лучше, знаете ли, как отложить решение трудной задачи до утра. Едва пробудившись, я обнаружил, что, пока спал, у меня в голове воцарился полный порядок и сам собой созрел план, который не посрамил бы самого Фоша.[3 - Фош Фердинанд (1851–1929) – французский маршал.] Я позвонил, чтобы Дживс принес мне чаю. Еще раз позвонил, но прошло не меньше пяти минут, прежде чем он вплыл в спальню с подносом.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он в ответ на мой упрек. – Я не слышал звонка. Я был в гостиной, сэр.

– Да? – сказал я, отхлебывая глоток чаю. – Наводили порядок?

– Я стирал пыль с новой вазы, сэр.

У меня на душе потеплело. К кому я привязан всем сердцем, так это к этому доброму малому, у которого всегда достает смирения признать свои ошибки. Разумеется, никаких патетических слов не сорвется с его губ, но мы, Вустеры, умеем читать между строк, и я понял, что ваза начинает ему нравиться.

– Как она смотрится?

– Да, сэр.

Немного загадочный ответ, но я не стал углубляться.

– Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Я о том деле, которое мы вчера обсуждали.

– О деле, касающемся мистера Сипперли, сэр?

– Именно. Можете больше о нем не тревожиться. Приостановите работу интеллекта. Ваша помощь в этом деле не потребуется. Я нашел решение. Меня как будто озарило.

– В самом деле, сэр?

– Именно озарило. В делах такого рода, Дживс, всегда следует начинать с изучения… э-э… что я хотел сказать?

– Затрудняюсь ответить, сэр.

– Это самое… э-э… такое в общем-то банальное слово, хоть и латинское, на языке вертится…

– Может быть, с изучения психологии личности, сэр?

– Вот именно. Психология – это ведь имя существительное, да?

– Да, сэр.

– А звучит как имя собственное. Итак. Дживс, вникнем в психологию старины Сиппи. Мистер Сипперли находится в положении человека, у которого пелена еще не спала с глаз. Передо мной стояла задача разработать некий план, чтобы заставить эту пелену пасть. Вы меня понимаете?

– Не совсем, сэр.

– Послушайте, я вот о чем. В настоящее время этот бывший директор Уотербери совершенно подавляет мистера Сипперли тем, что держится с необыкновенным достоинством, надеюсь, вы представляете. Но теперь мистер Сипперли уже не

тот мальчик, каким он был несколько лет назад. Теперь он каждый день бреется, в редакции он важная птица, но он не может забыть, как когда-то Уотербери влепил ему по мягкому месту шесть смачных ударов. И вот результат – комплекс неполноценности. Единственный способ избавиться от этого комплекса – устроить так, чтобы мистер Сипперли увидел Уотербери в самом унизительном положении. Тогда пелена спадет у него с глаз. Вы должны это понять, Дживс. Возьмем, например, вас. У вас есть, конечно, друзья и родственники, которые с восхищением на вас смотрят и испытывают к вам большое уважение. Но допустим, в один прекрасный вечер они видят, как вы, скажем, на Пиккадилли, в состоянии сильного подпития отплясываете чарльстон в нижнем белье.

– Вероятность подобного развития событий ничтожно мала, сэр.

– Не важно, допустим, нечто подобное произошло. Тогда пелена спадет с их глаз, так ведь?

– Возможно, сэр.

– Возьмем другой случай. Помните, как примерно год назад тетушка Агата обвинила горничную французского отеля в краже жемчуга, а потом обнаружила его у себя в комоде?

– Да, сэр.

– Помните, как глупо она выглядела? Вы не можете этого отрицать.

– Разумеется, сэр, я привык видеть миссис Спенсер Грегсон в более выгодном свете, чем в тот момент.

– Именно. Следите за ходом моей мысли, как хищник за своей жертвой. Я видел тетю Агату в минуту ее падения, видел, как она побагровела, как усатый хозяин отеля отчитывал ее на мелодичном французском языке, а ей возразить было нечего, она только и могла что глазами хлопать. Тут я почувствовал, что у меня пелена спала с глаз. Впервые в жизни, Дживс, благоговейный страх, который эта женщина с детства мне внушала, бесследно исчез. Правда, потом он вернулся. Но в тот момент я увидел тетю Агату такой, какая она есть на самом деле. Я-то всегда считал, что она людоедка и при одном упоминании ее имени самый

храбрый мужчина начинает дрожать как осиновый лист, а тут вижу глупую гусыню, которая допустила ужасную бестактность. Тогда, Дживс, я мог бы ей высказать все, что о ней думаю. И только рыцарское отношение к дамскому полу удержало меня от этого шага. Я ведь не погрешил против истины?

– Нет, сэр.

– Ну так вот, мое твердое убеждение – пелена спадет с глаз мистера Сипперли, если он увидит, как этот Уотербери притащится в редакцию, обсыпанный с головы до ног мукой.

– Мукой, сэр?

– Мукой, Дживс.

– Но почему он должен следовать столь необычной манере поведения, сэр?

– А у него не будет выбора. Сверху над дверью я поставлю пакет с мукой, дальнейшее произойдет под действием закона тяготения. Я собираюсь устроить этому Уотербери ловушку.

– Право, сэр, я не могу поддержать…

Я поднял руку:

– Помолчите, Дживс. Это еще не все. Вы помните, что мистер Сипперли влюблен в мисс Гвендолен Мун, но робеет признаться. Спорю, вы об этом забыли.

– Нет, сэр.

– Прекрасно. Так вот, я уверен: как только мистер Сипперли избавится от благоговейного трепета перед Уотербери, он так взбодрится духом, что ему будет море по колено. Он со всех ног помчится прямо к мисс Мун и бросит свое сердце к ее ногам.

– Да, сэр, но…

– Дживс, – сказал я строго, – стоит мне предложить план, или схему, или программу действий, вы тотчас же произносите противным голосом: «Да, сэр, но…» Мне это не нравится, и вам следует избавиться от этой привычки. План, или схема, или программа действий, которую я начертал, не имеет изъянов. А если они есть, буду рад услышать, какие именно.

– Да, сэр, но…

– Дживс!

– Прошу прощения, сэр. Я только хотел заметить, что, как мне представляется, вы подходите к решению проблем мистера Сипперли не в том порядке.

– Как это «не в том порядке»?

– Видите ли, мне кажется, сэр, нужный результат скорее может быть достигнут, если вначале побудить мистера Сипперли сделать предложение мисс Мун. В случае, если молодая леди ответит согласием, мистер Сипперли, думаю, придет в такое приподнятое состояние, что ему не составит труда отстоять свои права в отношениях с мистером Уотербери.

– А, вот вы и загнали себя в угол! Каким образом вам удастся побудить мистера Сипперли объясниться с мисс Мун?

– Мне пришло в голову, сэр, что, поскольку мисс Мун поэтесса, натура романтическая, вероятно, на нее произведет впечатление известие о том, что мистер Сипперли получил тяжелую травму и в беспамятстве все время повторяет ее имя.

– Срывающимся голосом?

– Именно, сэр, как вы тонко заметили – срывающимся голосом.

Я сел в постели и с укоризненным видом помахал перед Дживсом чайной ложечкой.

– Дживс, – сказал я, – я последний, кто обвинил бы вас в том, что вы изменили себе, но все это на вас так не похоже. Дживс, вы потеряли форму. Вы утратили прежнюю хватку. Возможно, пройдут годы, прежде чем мистера Сипперли угораздит получить тяжелую травму.

– Это обстоятельство следует принять во внимание, сэр.

– Не верю своим ушам! И это вы, Дживс, вы предлагаете смиренно приостановить всякую деятельность, может быть на годы, в расчете на то, что когда-нибудь мистер Сипперли попадет под грузовик? Нет! Мы будем следовать той программе, которую наметил я. Прошу вас сразу после завтрака пойти и купить полтора фунта муки самого лучшего качества. Остальное я беру на себя.

– Слушаюсь, сэр.

Каждый полководец знает, что, приступая к боевым действиям, прежде всего следует детально изучить топографию местности, где будут разворачиваться события. Что ожидает вас в противном случае? Вспомните Наполеона, вспомните дорогу на Ватерлоо. Какая ослиная тупость!

Топографию Сиппиной редакции я знал назубок. Однако ее план рисовать не буду, ибо опыт мне подсказывает, что, как только вы доходите до того места в детективном романе, где автор приводит план поместья с комнатой, в которой найден труп, с лестницами, ведущими в коридор, и со всякими прочими подробностями, вы эту страницу пропускаете. Лучше я все объясню в нескольких словах.

Редакция «Мейферского бюллетеня» находилась на втором этаже старого замшелого здания неподалеку от Ковент-Гарден. Если войти в парадную дверь, прямо перед вами окажется коридор, ведущий в помещение компании «Братья Беллами», торгующей семенами, овощами и фруктами. Идите мимо «Братьев Беллами», поднимитесь по лестнице – и перед вами окажутся две двери. Одна из них, с табличкой «Посторонним вход воспрещен», ведет в святая святых, где обитает Сиппи. Другая, с табличкой «Справочная», открывается в комнатенку, где сидит мальчишка-рассыльный и, посасывая мятные лепешки, читает о приключениях Тарзана. В этой комнатке есть еще одна дверь, ведущая в кабинет Сиппи. Все предельно просто.

Именно над дверью с табличкой «Справочная» я предполагал пристроить пакет с мукой.

Заметьте, устройство ловушки для такой уважаемой персоны, как директор школы (пусть даже не столь престижной, как ваша), – дело, к которому ни в коем случае не следует подходить легкомысленно, напротив, оно требует самой тщательной подготовки. Никогда еще я не уделял столько внимания выбору блюд за обедом, как в тот день. Роскошной трапезе предшествовали два сухих мартини, в заключение заказано полбутылки прекрасного легкого шампанского, за ним последовала рюмка коньяку. Теперь подайте мне хоть самого епископа, я в два счета устрою ему ловушку.

Отделаться от мальчишки-рассыльного – вот единственная трудность в разработанном мною плане. Естественно: кому нужен свидетель, когда вы устанавливаете над дверью пакет с мукой? К счастью, к любому человеку можно найти подход, и я, наврав мальчишке, что кто-то из его родных заболел, отправил его домой, в Криклвуд. А сам влез на стул и принялся за дело.

Хоть я много лет не брался за такую работу, но, как выяснилось, прежней сноровки не утратил. Уравновесив пакет с мукой так, что легкое прикосновение к двери приводило в действие всю систему, я спрыгнул со стула, прошмыгнул через кабинет Сиппи и вышел на улицу. Сиппи пока еще не появился, что было мне на руку, но, насколько я знал, обычно без пяти три он уже на месте. Я расхаживал по улице около здания редакции; вскоре из-за угла показался Уотербери. Он вошел в парадную дверь, а я отправился на прогулку. В мои планы не входило быть поблизости от того места, где вскоре начнут развиваться события.

По моим расчетам, с поправкой на погоду, ветер и прочее, пелена должна была спасть с глаз Сиппи примерно в четверть четвертого по Гринвичу. Итак, побродив минут двадцать по Ковент-Гарден среди прилавков с картошкой и капустой, я вернулся к дому, поднялся наверх и вошел в дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен», ожидая увидеть старину Сиппи. Представляете себе мое изумление и разочарование? За столом Сиппи сидел Уотербери и читал газету с таким видом, будто это был его личный кабинет.

Более того, на нем не было и намека на муку.

– Вот черт! – сказал я.

Да, это был мой Ватерлоо. Но пропади все пропадом, мог ли я ожидать, что этот нахал, хоть он и директор школы, не моргнув глазом ввалится прямо в личный кабинет Сиппи, вместо того чтобы, как принято у порядочных людей, войти через дверь, предназначенную для посетителей?

Он нацелил на меня свой нос:

– Да?

– Я зашел к старине Сиппи.

– Мистер Сипперли еще не прибыл.

Он говорил раздраженно, как человек, который не привык ждать.

– Как жизнь? – спросил я, желая разрядить обстановку.

Он снова уткнулся в газету. Потом вопросительно взглянул на меня, будто давая понять, что я здесь лишний:

– Извините?

– Нет-нет, ничего.

– Вы что-то сказали?

– Только спросил «Как жизнь?», знаете ли.

– При чем тут жизнь?

– Так, вообще.

– Я вас не понимаю.

– Не берите в голову, – сказал я.

Какой тяжелый труд поддерживать светский разговор с этим типом, подумал я. На редкость необщительный субъект.

– Хорошая погода, – сказал я.

– Хорошая.

– Но говорят, посевам необходим дождь.

Он снова уткнулся в газету и был ужасно недоволен, что приходится отвлекаться на разговор со мной.

– Кому?

– Посевам.

– Посевам?

– Посевам.

– Каким посевам?

– Ну, просто посевам.

Он отложил газету:

– Кажется, вы желаете сообщить мне какие-то сведения о посевах. Я вас слушаю.

– Говорят, им необходим дождь.

– В самом деле?

На этом наша беседа закончилась. Он снова погрузился в чтение, а я сел и принялся сосать набалдашник трости. Время тянулось медленно.

Может, часа через два, а может, через пять минут в коридоре послышались странные звуки, будто там воет собака. Уотербери встрепенулся. Я тоже встрепенулся.

Вой приближался. Дверь распахнулась, и в кабинет ввалился Сиппи. Он пел:

– «Я вас люблю, вот все, что я могу сказать. Я вас люблю, лю-ю-ю-блю ва-а-ас…»

Наконец он смолк. По-моему, давно бы пора.

– А, привет! – сказал он.

Я был поражен. Когда я в последний раз видел старину Сиппи, он выглядел, если вы помните, просто ужасно. Лицо осунувшееся, измученное. Под глазами круги. Все признаки крайнего истощения. А сейчас, спустя каких-нибудь двадцать четыре часа, он весь сиял. Глаза сверкали. На губах счастливая улыбка. Как будто он каждое утро перед завтраком пропускает рюмочку горячительного.

– Привет, Берти! – сказал он. – Привет, Уотербери, старина! Простите, что опоздал.

По-моему, Уотербери остался крайне недоволен такой непринужденной формой обращения. Он напустил на себя неприступный вид:

– Вы сильно опоздали. Позвольте заметить, что я прождал вас более получаса, а мое время ценится дорого.

– Простите, простите, простите, – радостно пропел Сиппи. – Вы пришли поговорить насчет статьи о драматургах Елизаветинской эпохи, которую вы мне вчера оставили, верно? Ну, так я ее прочел, и мне очень жаль, Уотербери, старина, но она Н.Г.

– Простите, не понял.

– Не годится для нас. Совершенно неподходящий материал. Наша газета призвана развлекать светскую публику. Во что будет одета дебютантка в Гудвуде[4 - Гудвуд – ипподром близ г. Чичестер, граф. Суссекс.] – вот что нас интересует. Или что-нибудь вроде: «Вчера в парке видели леди Бетти Бутл, вы, конечно, знаете, она золовка герцогини Пибл, или Куку – для близких друзей…» – и подобный вздор. Наши читатели не желают знать о драматургах Елизаветинской эпохи.

– Сипперли!..

Старина Сиппи протянул руку и отечески похлопал Уотербери по спине.

– Послушайте, Уотербери, – добродушно сказал он. – Поверьте, мне неприятно отказывать старинному приятелю. Но я должен выполнять свой долг перед читателями. Однако не унывайте. Старайтесь, и вы добьетесь успеха. Вы подаете надежды, но вам следует хорошенько изучить рынок спроса. Оглядитесь внимательно, поймите, что нужно издателям. Вот, например, такое предложение: почему бы вам не взяться за живую и веселую статейку о комнатных собачках? Вы, вероятно, знаете, что мопсы теперь не в моде, их вытеснили пекинесы, грифоны[5 - Грифоны – длинношерстные легавые собаки.] и маленькие белые терьеры. Поработайте в этом направлении и…

Уотербери двинулся к двери.

– У меня нет никакого желания работать в этом направлении, – злобно произнес он. – Если вас не устраивает мое исследование о драматургах Елизаветинской поры, я, без сомнения, найду другого издателя, которого моя работа заинтересует.

– Уотербери, вы стоите на правильном пути! – от души обрадовался Сиппи. – Никогда не сдавайтесь. Упорство и труд все перетрут. Если у вас приняли одну статью, тут же посылайте этому издателю следующую. Если вам откажут, несите свой труд другому издателю. Так держать, Уотербери! Буду следить за вашими успехами с большим интересом.

– Благодарю, – язвительно сказал Уотербери. – Совет профессионала для меня просто неоценим.

Он вылетел, изо всех сил хлопнув дверью. А я посмотрел на Сиппи, который кружил по комнате как откормленный бекас.

– Сиппи…

– А? Что? Не могу остановиться, Берти. Забежал рассказать тебе новости. Я пригласил Гвендолен на чай в «Карлтон». Я счастливейший человек на свете. Помолвлен. Обручен. Все прошло как по маслу. Свадьба первого июня, ровно в одиннадцать в соборе Святого Петра, на Итон-сквер. Подарки можно посылать до конца мая.

– Но, Сиппи! Угомонись на минуту. Что произошло? Я думал…

– Ах, это длинная история. Долго рассказывать. Лучше спроси у Дживса. Он пришел со мной и ждет на улице. Когда я увидел, как она, рыдая, склонилась надо мной, я понял, что пришло время сказать ей все. Я взял ее ручку в свои ладони и…

– В каком это смысле склонилась над тобой? Где?

– У тебя в гостиной.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему она склонилась над тобой в моей гостиной?

– Осел! Потому что я лежал на полу. По-моему, вполне естественно, что девушка должна склониться, если мужчина лежит на полу. Прощай, Берти, я должен бежать.

Он вылетел из комнаты, я и опомниться не успел. Я стремглав бросился за ним, но он уже скатился с лестницы. Когда я выскочил на улицу, там уже никого не было.

Впрочем, нельзя сказать «никого». На тротуаре стоял Дживс и задумчиво поглядывал на разложенную на прилавке брюссельскую капусту.

– Мистер Сипперли только что ушел, сэр, – сказал он.

Я остановился и вытер пот со лба.

– Дживс, – сказал я, – что происходит?

– Что касается романа мистера Сипперли, сэр, то счастлив сообщить: все в полном порядке. Они с мисс Мун пришли к полному согласию.

– Знаю. Они обручились. Но как это произошло?

– Я взял на себя смелость телефонировать от вашего имени мистеру Сипперли и попросил его немедленно прийти к вам, сэр.

– Так вот как он оказался у меня в квартире! А потом?

– Потом я взял на себя смелость телефонировать мисс Мун и сообщил ей, что с мистером Сипперли произошел несчастный случай. Как я и предвидел, молодая леди чрезвычайно разволновалась и выразила желание немедленно навестить мистера Сипперли. Когда она приехала, потребовалось всего несколько минут, чтобы уладить дело. Выяснилось, что мисс Мун давно любит мистера Сипперли, сэр, и…

– Мне казалось, когда мисс Мун приехала и обнаружила, что с мистером Сипперли не произошло несчастного случая, она должна была рассердиться, что ее обманули.

– Но несчастный случай с мистером Сипперли произошел, сэр.

– Произошел?

– Да, сэр.

– Странное совпадение. В свете того, о чем вы говорили сегодня утром.

– Не совсем совпадение, сэр. Прежде чем телефонировать мисс Мун, я снова взял на себя смелость и нанес мистеру Сипперли сильный удар по голове, воспользовавшись для этой цели одной из ваших клюшек для гольфа, которая случайно стояла в углу. По-моему, это оказалась короткая клюшка. Вы, конечно, помните, что сегодня утром перед уходом вы отрабатывали удар.

Я, разинув рот, глядел на злодея. Дживс умен и проницателен сверх всякой меры, это я знал всегда. Он невероятно эрудирован во всем, что касается галстуков, краг и прочего. Но я не мог даже представить, что он способен пустить в ход грубую физическую силу. Теперь мой дворецкий открылся мне совсем с другой стороны. По-моему, в эту минуту с моих глаз тоже спала пелена.

– Боже правый, Дживс!

– Мне было чрезвычайно трудно решиться на это, сэр. Иного выхода, как мне представляется, не было.

– Но послушайте, Дживс. Не могу понять одного: почему мистер Сипперли не пришел в ярость, когда понял, что вы огрели его клюшкой?

– Он этого не понял, сэр. Я принял меры предосторожности – дождался, когда он повернется ко мне спиной.

– А как вы ему объяснили, откуда у него на голове шишка?

– Я объяснил мистеру Сипперли, что ему на голову упала ваша новая ваза, сэр.

– Но как он мог этому поверить? Ведь ваза разбилась бы.

– Она разбилась, сэр.

– Что?!

– Чтобы достичь эффекта правдоподобия, мне пришлось, вопреки моему желанию, ее разбить, сэр. К моему большому сожалению, сэр, должен вам

сообщить, что, находясь в сильном волнении, я ее разбил на мелкие кусочки, поэтому она не подлежит восстановлению.

Я выпрямился во весь рост.

– Дживс! – сказал я.

– Прошу прощения, сэр, но не находите ли вы, что было бы гораздо благоразумнее надеть шляпу? Ветер довольно холодный.

Я поморгал:

– Разве я не в шляпе?

– Нет, сэр.

Я потрогал свою черепушку. Дживс оказался прав.

– И правда нет! Должно быть, я забыл ее в редакции. Подождите меня здесь, Дживс. Я за ней схожу.

– Хорошо, сэр.

– Мне надо много чего вам сказать.

– Благодарю вас, сэр.

Я взбежал по лестнице, толкнул дверь, и что-то мягко плюхнулось мне на голову. В следующую минуту все вокруг стало белым от муки. В волнении я вбежал не в ту дверь. Так что если кто-нибудь еще из моих друзей обзаведется комплексом неполноценности, пусть избавляется от него сам. С меня довольно.

Глава 3

Дживс и святочные розыгрыши

Письмо пришло шестнадцатого утром. Я как раз заправлялся завтраком и, чувствуя, что изрядно подкрепил себя кофе и копченой рыбой, решил, не откладывая в долгий ящик, выложить новости Дживсу. Как сказано у Шекспира, если собрался что-то сделать, то не медли. Дживс, разумеется, будет разочарован и даже раздосадован, но, черт побери, толика разочарования время от времени идет человеку на пользу. Дает почувствовать, что жизнь штука серьезная, даже суровая.

– Дживс!

– Сэр?

– Тут вот пришло письмо от леди Уикем. Приглашает на Святки в Скелдингс. Упакуйте, пожалуйста, все, что нужно. Мы отправляемся туда двадцать третьего. Побольше белых галстуков, Дживс, а также несколько добротных повседневных костюмов. Мы там пробудем достаточно долго.

В ответ последовало молчание. Я чувствовал направленный на меня укоризненный взгляд, но сделал вид, что ничего не замечаю и целиком поглощен намазыванием на тост мармелада.

– Насколько я понял, сэр, вы предполагали сразу после Рождества посетить Монте-Карло.

– Знаю. Но Монте-Карло отменяется. Планы изменились.

– Очень хорошо, сэр.

Зазвонил телефон, очень кстати прервав назревающее щекотливое объяснение. Дживс поднял трубку:

– Да?.. Да, мадам… Очень хорошо, мадам. Мистер Вустер дома. – Он протянул трубку мне: – Миссис Спенсер Грегсон, сэр.

Знаете, время от времени не могу отделаться от чувства, что Дживс теряет былую хватку. Прежде, бывало, он глазом не моргнув отвечал тетушке Агате, что меня нет дома. С упреком посмотрев на своего камердинера, я взял трубку.

– Алло? – сказал я. – Да? Алло? Алло? Берти у телефона. Алло?

– Хватит твердить «Алло», – приказала старушенция в своей обычной сварливой манере. – Ты же не попугай. А жаль, у попугаев есть хоть сколько-то разума.

По-моему, тетушка взяла совсем не тот тон, которым надлежит беседовать по утрам с молодым человеком, – но что с ней поделаешь?

– Берти, леди Уикем сказала, что она тебя пригласила на Рождество в Скелдингс. Ты поедешь?

– Еще бы!

– Ладно, но помни, что надо вести себя прилично. Леди Уикем моя старинная приятельница.

Я был не в настроении обсуждать подобные темы по телефону. С глазу на глаз еще куда ни шло, но по телефону – нет.

– Естественно, я приложу все усилия, тетя Агата, – холодно сказал я, – к тому, чтобы вести себя в манере, приличествующей английскому джентльмену, который наносит визит…

– Что ты сказал? Повтори. Я не слышу.

– Я сказал «хорошо».

– Да? Ну смотри. Есть еще одна причина, почему мне особенно не хочется, чтобы ты выглядел в Скелдингсе полным идиотом. Там будет гостить сэр Родерик Глоссоп.

– Что?!

– Почему ты так орешь? Совсем меня оглушил.

– Вы сказали «сэр Родерик Глоссоп»?

– Да.

– Может, вы хотели сказать «Таппи Глоссоп»?

– Я хотела сказать «сэр Родерик Глоссоп» и поэтому сказала. А теперь, Берти, слушай меня внимательно. Слушаешь?

– Да, слушаю.

– Вот и слушай. Мне наконец удалось с неимоверными трудностями и вопреки очевидному почти убедить сэра Родерика, что ты не помешанный. Он готов воздержаться от вынесения тебе окончательного приговора, пока еще раз с тобой не повидается. Поэтому в Скелдингсе веди себя…

Тут я повесил трубку. Я был потрясен. Потрясен до глубины души.

Остановите меня, если я уже об этом рассказывал, но на тот случай, если вы не в курсе, позвольте мне только упомянуть несколько фактов, касающихся этого самого Глоссопа. Это был старик с устрашающей внешностью – лысый, с неправдоподобно густыми бровями, по профессии врач-психиатр. По сей день не знаю, как это случилось, но когда-то я обручился с его дочерью Гонорией, жутко энергичной особой, которая читала Ницше, а раскаты ее хохота наводили на мысль о волнах, бьющих в суровые скалистые берега. Помолвка расстроилась по причине событий, убедивших старика Глоссопа, что я не в своем уме, и с тех пор мое имя возглавляет у него список сумасшедших, с которыми ему приходилось обедать.

На мой взгляд, присутствие такого типа, как сэр Родерик Глоссоп, способно омрачить даже рождественские дни, когда на всей земле воцаряется мир и в человеках благоволение.[6 - …и в человеках благоволение… – несколько искаженная цитата из Библии, Лк.: 2,14.] Если бы не особые причины, побуждающие меня стремиться в Скелдингс, я бы отклонил приглашение леди Уикем.

– Дживс, – сказал я в волнении, – знаете что? Сэр Родерик Глоссоп тоже собирается в гости к леди Уикем.

– Очень хорошо, сэр. Если вы закончили завтрак, позвольте унести поднос.

Холодный, надменный тон. Ни сочувствия, ни духа сплочения и единения, столь радующего душу. Как я и предвидел, известие о том, что мы не едем в Монте-Карло, нанесло Дживсу удар в самое сердце. Дело в том, что он питает сильную склонность к азартным играм и, конечно же, заранее предвкушал минуты приятного волнения за карточным столом.

Мы, Вустеры, умеем носить маску, и я сделал вид, что не замечаю его нелюбезности.

– Уносите, Дживс, – с достоинством сказал я, – и как можно скорее.

Натянутые отношения продолжались до конца недели. Чай по утрам обидчивый слуга подавал с холодно-отчужденной миной. Когда же двадцать третьего мы ехали в автомобиле в Скелдингс, вид у него был замкнутый и равнодушный. А посмотрели бы вы, как он вдевал запонки мне в рубашку перед ужином в первый день визита! Я ужасно страдал и, лежа в постели утром двадцать четвертого, решил наконец выложить Дживсу все начистоту в надежде, что он меня поймет, недаром же он от природы наделен здравым смыслом.

В то утро я чувствовал себя превосходно, мне все удавалось. Правда, с хозяйкой дома, леди Уикем, носатой дамой, созданной по образу и подобию тетушки Агаты, мне было немного не по себе, но приняла она меня вполне радушно. Ее дочь Роберта отнеслась ко мне с такой сердечностью, что, не скрою, струны моего сердца затрепетали. И даже сэр Родерик во время нашей короткой встречи, казалось, был весь пропитан святочной благостью. Когда он меня увидел, рот у него перекосило на сторону, что я воспринял как улыбку. «Ха, молодой человек!» – сказал сэр Родерик. Сказал не слишком дружелюбно, но все-таки сказал, и в моем представлении это было равнозначно тому, что лев возлег подле агнца.

Итак, пока все шло без сучка без задоринки; и я решил посвятить Дживса в свои дела.

– Дживс, – сказал я, когда он явился с дымящимся подносом в руках.

– Сэр?

– Речь идет о нашем здесь пребывании. Я хотел бы вам кое-что объяснить. Считаю, что вы имеете на это право.

– Сэр?

– Боюсь, Дживс, отказавшись поехать в Монте-Карло, я вас огорчил.

– Ничуть, сэр.

– Да бросьте, Дживс! Знаю, вы настроились на зимовку в этом старом добром рассаднике зла. Видел, как заблестели у вас глаза, когда я сказал, что мы туда едем. Вы чуть-чуть потянули носом, и пальцы у вас дрогнули. Видел, видел. А теперь, когда планы изменились, вы надели на себя броню.

– Ничуть, сэр.

– Бросьте, Дживс. Я же вижу. Ну так вот, хочу, чтобы вы поняли, что изменить планы меня побудил не пустой каприз. Не по легкомыслию и минутной прихоти я принял предложение леди Уикем. Я не одну неделю обдумывал этот шаг, принимая во внимание много разных соображений. Во-первых, можно ли в таком месте, как Монте-Карло, проникнуться святочным духом?

– Прошу прощения, сэр, вы непременно желаете проникнуться святочным духом?

– Желаю. От всей души. Это во-первых, затем – во-вторых. Я просто обязан был приехать на Рождество в Скелдингс, так как знал, что здесь будет Таппи Глоссоп.

– Сэр Родерик Глоссоп, сэр?

– Нет, его племянник. Вы, вероятно, заметили, что по дому слоняется малый со светлыми волосами и улыбкой Чеширского кота. Это и есть Таппи, а я с некоторых пор хочу задать ему хорошую трепку, у меня на него зуб. Дживс,

выслушайте все и скажите, прав ли я, вынашивая мысль об ужасной мести. – Я глотнул чаю, чтобы немного успокоиться, так как, вспомнив свои злоключения, я изрядно разволновался. – Хоть Таппи и приходится племянником сэру Родерику Глоссопу, от рук которого, как вам известно, я здорово пострадал, мы с Таппи, как добрые друзья, веселились и в «Трутнях», и в других местах. Парень не виноват, что у него такие родственники, говорил я себе. Мне бы, например, очень не хотелось, чтобы мои приятели ставили мне в вину тетушку Агату. По-моему, с моей стороны это было великодушно. Правда?

– Вне всяких сомнений, сэр.

– Ну так вот, я пригрел этого самого Таппи, водил с ним дружбу – и, как вы думаете, что он сделал?

– Не могу сказать, сэр.

– Сейчас расскажу. Однажды вечером после ужина в «Трутнях» он предложил мне пари, что я не смогу перебраться через плавательный бассейн на руках, держась за кольца, подвешенные на веревках к потолку. Я принял вызов; легко и быстро перебирая руками, я достиг последнего кольца и вдруг обнаружил, что этот изверг привязал веревку к поручню, так что я повис в пустоте, вдали от родных берегов и любимых лиц. Мне ничего не оставалось, как прыгнуть в воду. Этот злодей признался, что часто проделывает с приятелями эту шутку. Клянусь, я буду не я, если не отыграюсь на нем, тем более что здесь, в поместье, представляется масса возможностей. Вам ясно, Дживс?

– Вне всяких сомнений, сэр.

Однако я не находил в нем прежнего сочувствия и понимания, его манера ясно об этом свидетельствовала. Тогда я решился выложить на стол все карты, как ни деликатен был предмет предстоящего разговора.

– А теперь, Дживс, мы подошли к самой главной причине, побудившей меня приехать в Скелдингс. Дживс, – сказал я, уткнувшись в чашку и чувствуя, что лицо у меня заливается краской, – дело в том, что я влюбился.

– Вот как, сэр?

– Вы видели мисс Роберту Уикем?

– Да, сэр.

– Ну так вот. – Я помолчал, давая ему время вникнуть в суть. – Дживс, находясь здесь, вы, без сомнения, будете общаться с горничной мисс Уикем. Не упускайте случая наплести ей с три короба и берите быка за рога.

– Сэр?

– Вы знаете, о чем я говорю. Распишите ей, какой я славный малый. Глубокая, мол, натура. Стоит только начать. Расскажите, какое доброе у меня сердце, не забудьте упомянуть, что в нынешнем году у нас в «Трутнях» я занял второе место в соревнованиях по сквошу[7 - Сквош – род упрощенного тенниса.]. Реклама никогда не повредит.

– Очень хорошо, сэр. Но…

– Что «но»?

– Видите ли, сэр…

– Перестаньте повторять «Видите ли, сэр…» таким нудным тоном. Я ведь вас просил. Вам все труднее отделаться от этой привычки. Следите за собой. Что вы хотели сказать?

– Вряд ли я могу взять на себя смелость…

– Давайте, Дживс. Мы всегда рады вас выслушать, говорите.

– Прошу прощения, сэр, но я хотел бы заметить, что, как мне кажется, мисс Уикем вряд ли подходит…

– Дживс, – холодно прервал его я, – если вы собираетесь сказать что-то нелестное об этой леди, то в моем присутствии лучше этого не делать.

– Очень хорошо, сэр.

– В присутствии других тоже. И вообще, чем вам не угодила мисс Уикем?

– Право же, сэр, увольте.

– Дживс, я настаиваю. Говорите начистоту. Вы что-то имеете против мисс Уикем? Я хочу знать, что именно.

– Мне просто пришло в голову, сэр, что для джентльмена вашего склада мисс Уикем не совсем подходящая партия.

– Что значит моего склада?

– Видите ли, сэр…

– Дживс!

– Прошу прощения, сэр. Это выражение вырвалось у меня нечаянно. Я хотел только заметить, что мог бы с уверенностью утверждать…

– Что-что?

– Я хочу сказать, сэр, что поскольку вы пожелали узнать мое мнение…

– Я не пожелал.

– Мне показалось, сэр, вас интересует моя точка зрения на этот счет.

– Да? Ну что ж, выкладывайте.

– Хорошо, сэр. Если позволите, сэр, то очень коротко. Конечно, мисс Уикем очаровательная молодая леди…

– Вот, Дживс, вы на правильном пути. Какие глаза!

– Да, сэр.

– А волосы!

– Совершенно справедливо, сэр.

– А как espiegle[3 - Шаловлива (фр.).], если я ничего не путаю.

– Вы абсолютно правильно употребили это прилагательное, сэр.

– Ну хорошо. Продолжайте.

– Я допускаю, что мисс Уикем обладает всеми перечисленными достоинствами, сэр. Тем не менее с матримониальной точки зрения данная юная леди совсем не подходит джентльмену вашего склада. Как мне представляется, мисс Уикем недостает серьезности, сэр. Она слишком непостоянна, слишком легкомысленна. Джентльмен, претендующий на право стать мужем мисс Уикем, должен быть властной натурой и иметь твердый характер.

– Это уж несомненно!

– Я бы никогда не взял на себя ответственность рекомендовать в спутницы жизни юную леди с ярко-рыжими волосами. На мой взгляд, сэр, рыжие волосы таят в себе большую опасность.

Я посмотрел нахалу прямо в глаза.

– Дживс, – сказал я, – вы несете вздор.

– Да, сэр.

– Совершенную чушь.

– Да, сэр.

– Чистой воды ахинею.

– Да, сэр.

– Да, сэр, то есть да, Дживс. Вы свободны, – проговорил я и с надменным видом пригубил чай.

Признаться, не часто мне удается убедить Дживса, что он ошибается, но на этот раз уже к ужину у меня были все основания доказать упрямцу, как он не прав, и я не стал медлить.

– Кстати, о нашем разговоре, – сказал я, выйдя из ванной и обращаясь к Дживсу, который придирчиво разглядывал мою рубашку, – буду рад, если вы уделите мне минуту вашего драгоценного внимания. Предупреждаю, когда я вам все изложу, вы почувствуете себя глупцом.

– В самом деле, сэр?

– Да, Дживс, последним глупцом. Надеюсь, это вас заставит в будущем более осторожно высказываться в отношении людей. Если я не ошибаюсь, утром вы заявляли, что мисс Уикем легкомысленна, непостоянна и что ей не хватает серьезности. Я прав?

– Совершенно правы, сэр.

– Ну так вот, сейчас вы в корне измените свое мнение, я уверен. Сегодня после обеда мы с мисс Уикем ходили гулять, и я ей рассказал, какую штуку выкинул со мной Таппи Глоссоп в плавательном бассейне в «Трутнях». Так вот, Дживс, она ловила каждое мое слово и преисполнилась сочувствия ко мне.

– Неужели, сэр?

– Да, сочувствие ее так и распирало. И это еще не все. Не успел я закончить рассказ, как она предложила такой умный, пикантный и до тонкостей продуманный способ мести, что вам и не снилось. Уверен, старина Таппи по гроб жизни меня не забудет.

– Весьма отрадно, сэр.

– Вот именно, отрадно. Оказывается, в школе, где училась мисс Уикем, девицы время от времени откалывали этот номер с какой-нибудь паршивой овцой. Знаете, Дживс, что они проделывали?

– Нет, сэр.

– Брали длинную палку – теперь слушайте очень внимательно – и привязывали к ее концу огромную штопальную иглу. Затем в глухую полночь тихо прокрадывались в спальню жертвы, подсовывали палку под одеяло и протыкали иглой грелку. Девицы в таких делах гораздо изощреннее мальчиков. Мы в школе, бывало, в бессонные ночные часы выливали кувшин воды на какого-нибудь бедолагу, но нам и в голову не приходило, что можно добиться того же результата с помощью изящного научного метода. Вот видите, Дживс, какую шутку мисс Уикем предложила сыграть с Таппи. И как у вас язык повернулся назвать ее легкомысленной и беспечной! Из девушки, способной придумать такой блестящий ход, получится идеальная жена. Дживс, буду признателен, если сегодня вечером вы припасете прочную палку с острой штопальной иглой на конце.

– Видите ли, сэр…

Я поднял руку.

– Дживс, – сказал я, – ни слова больше. Прочная палка и хорошая, длинная, острая штопальная игла. Без всяких отговорок, в моей спальне сегодня, ровно к одиннадцати тридцати.

– Очень хорошо, сэр.

– Вы знаете, где комната Таппи?

– Могу уточнить, сэр.

– Действуйте, Дживс.

Через несколько минут он вернулся с необходимыми сведениями:

– Мистер Глоссоп помещается в Замковой комнате, сэр.

– Где она находится?

– Этажом ниже, сэр, вторая дверь.

– Порядок, Дживс. Запонки вдели?

– Да, сэр.

– А воротнички пристегнули?

– Да, сэр.

– Тогда помогите мне надеть рубашку.

Чем больше я думал о предстоящем свершении, к которому меня подталкивало чувство долга и попранной гражданственной чести, тем больше оно мне нравилось. Я человек не мстительный, но я понимал, как понял бы любой на моем месте, что спускать таким злодеям, как Таппи, их козни – значит подрывать устои не только общества, но и всей цивилизации. Я предвидел, что мне придется столкнуться с трудностями и неудобствами: во-первых, предстояло бодрствовать до глубокой ночи, во-вторых, брести по холодному коридору, однако я не дрогнул. Фамильная честь ко многому обязывает. Еще во времена Крестовых походов мы, Вустеры, показали, на что мы способны.

В тот вечер был сочельник, поэтому, как я и предполагал, все веселились напропалую. Сначала сельский хор толпился у парадного входа и распевал рождественские гимны, потом кто-то затеял танцы, потом мы долго болтали, и я добрался до своей спальни во втором часу. С поправкой на всевозможные случайности выходило, что в экспедицию можно пуститься не раньше половины третьего. Честно признаюсь, только твердая решимость поквитаться с Таппи помешала мне махнуть рукой на всю эту затею и нырнуть под одеяло. Теперь я уже не тот, а раньше мог не спать ночи напролет.

Итак, к половине третьего все угомонились. Я стряхнул с себя сонный дурман, взял палку со штопальной иглой на конце и вышел в коридор. Подойдя к Замковой комнате, повернул ручку и, убедившись, что дверь не заперта, переступил порог.

Наверное, грабителю, в смысле – настоящему профессионалу, который работает круглый год по шесть дней в неделю, оказаться поздней ночью в чьей-то спальне – это раз плюнуть. Но такого человека, как я, у которого нет никакого опыта в таких делах, вряд ли бы кто-нибудь осудил, если бы он, то есть я, послал все к черту и, тихонько закрыв дверь с другой стороны, рванул к себе в комнату и завалился спать. Только призвав на помощь знаменитую отвагу Вустеров и напомнив себе, что если я упущу этот случай, то другого, возможно, никогда не представится, мне удалось преодолеть замешательство. Минутная слабость прошла, и Бертрам снова стал самим собой.

Сразу, как только я вошел, мне показалось, что в комнате темно, как в подвале, где хранят уголь, но немного погодя начали проступать очертания предметов. Шторы на окнах были задернуты неплотно, и местами я мог кое-что разглядеть. Кровать стояла напротив окна, изголовьем к стене, а изножьем к двери, возле которой я находился, что позволяло мне, свершив, так сказать, задуманное, мгновенно покинуть место действия. Теперь передо мной встала довольно деликатная задача – определить, где находится грелка. Запомните: если вы захотите выполнить подобную миссию тихо и быстро, вы ни в коем случае не должны тыкать наугад штопальной иглой в одеяло, стоя в ногах кровати. Прежде чем вы перейдете к радикальным действиям, настоятельно вам рекомендую точно рассчитать местоположение грелки.

В этот момент, должен заметить, я испытал нечаянную радость, потому что услышал смачный храп, исходивший от того места, где лежали подушки. Здравый смысл мне говорил, что субъекта, способного издавать такой храп, вряд ли разбудит какая-то мелочь. Я бочком продвинулся к кровати, протянул руку и стал осторожно ощупывать одеяло. Почти сразу же рука наткнулась на бугорок. Я хорошенько нацелился и, крепко сжав палку, вонзил штопальную иглу в этот бугорок. Затем, вытащив оружие, попятился к двери. Еще миг – и я на свободе, припущу на всех парах в свою комнату, чтобы предаться наконец сладостному сну. Но вдруг раздался жуткий треск, и мне показалось, что мой спинной хребет вылетел вон, пробив в голове дырку. Содержимое кровати село, будто выскочил черт из табакерки, и сказало:

– Кто здесь?

Тут я понял цену самых тонко продуманных стратегических построений и могу вас заверить – они-то и губят все предприятие. В соответствии с тщательно разработанным планом, чтобы облегчить себе отступление, я оставил дверь открытой, и сейчас она, черт бы ее побрал, захлопнулась с таким грохотом, будто бомба разорвалась.

Однако мысли мои были заняты не взрывом, а совсем иным предметом. Меня крайне встревожило только что сделанное открытие: на кровати спал вовсе не Таппи. У Таппи голос высокий и визгливый, как будто провинциальный тенор пустил петуха. А я услышал нечто среднее между трубным гласом в Судный день и рыком тигра, просидевшего несколько дней на голодной диете и требующего завтрак. Противный, режущий ухо голос, так и слышишь: «Пошевеливайтесь!» – будто ты никудышный игрок в гольф и задерживаешь на поле пару отставных полковников. В этом голосе не было и намека на добродушие, учтивость, голубиное воркование, которые дают вам почувствовать, что вы обрели друга.

Я не стал мешкать. Рванул с места, хлопнул за собой дверью и был таков. Может, я и дубина стоеросовая, как тетя Агата меня аттестует, но я безошибочно чувствую, когда мое присутствие уместно, а когда нет.

Сейчас я помчусь по коридору к лестнице с такой скоростью, что поставлю рекорд, но кто-то резко дернул меня назад. Только что я был весь порыв и пламя, буря и натиск, но вот какая-то неодолимая сила осадила меня и держит, не давая вырваться.

Знаете, порой мне кажется: если судьба решила сыграть с вами такую злую шутку, спросите себя, стоит ли ей противиться. Так как ночь выдалась чертовски холодная, я надел халат. Именно пола этой проклятой хламиды, защемленная дверью в последнюю минуту, меня доконала.

Дверь распахнулась, в коридор хлынул свет, и обладатель мерзкого голоса схватил меня за руку.

Это был сэр Родерик Глоссоп.

За сим последовало временное затишье. Секунды три-четыре, а может быть, и больше, мы стояли, впившись друг в друга взглядом, причем старик все еще держал меня за локоть мертвой хваткой. Не будь на мне халата, а на нем розовой пижамы в голубую полосочку и не гляди он на меня с такой злобой, будто сейчас убьет, мы смотрелись бы, наверное, как рекламная картинка, где умудренный опытом старец, отечески похлопывая молодого человека по руке, говорит ему: «Мой мальчик, если бы вы подписались на издания заочных курсов Матт-Джефф в Освего, штат Канзас, как это сделал я, то смогли бы, подобно мне, стать третьим помощником вице-президента Объединенной Шенектейдской корпорации, выпускающей пилочки для ногтей и щипчики для бровей».

– Вы! – наконец вырвалось у сэра Родерика. И в этой связи хочу констатировать: тот, кто утверждает, что нельзя прошипеть слово, в котором отсутствует буква «ш», мелет вздор. Сэр Родерик произнес это «Вы!» как разъяренная кобра, и я не открою секрета, если скажу, что мне стало здорово не по себе.

Вообще-то мне, наверное, следовало что-нибудь произнести. Однако единственное, что я с трудом из себя выдавил, был едва слышный блеющий звук. Даже в обычной обстановке, когда моя совесть блистала чистотой, я чувствовал себя не в своей тарелке, встречаясь с этим типом, а уж теперь и подавно, тем более что смотрел он из-под своих ужасных бровей так, будто готов пырнуть меня ножом.

– Войдите, – проскрипел он, втаскивая меня за собой в комнату. – Не стоит будить весь дом. А теперь, – он отпустил мой локоть и закрыл дверь, причем брови у него так и ходили ходуном, – а теперь сделайте милость, объясните мне, что означают эти ваши безумные действия.

Мне показалось, что легкий, беззаботный смех сейчас как нельзя более кстати. Я и хохотнул.

– Перестаньте гоготать! – рявкнул радушный хозяин. Вынужден признаться, что легкость и беззаботность не произвели того эффекта, на который я рассчитывал.

Я с большим трудом взял себя в руки.

– Крайне сожалею, что так вышло, – сказал я как можно более сердечным тоном. – Видите ли, я думал, что вы Таппи.

– Будьте любезны, обращаясь ко мне, воздержитесь от употребления ваших идиотских жаргонных выражений. Что означает на вашем языке «таппи»?

– Видите ли, это вовсе не жаргонное выражение… Если подойти к вопросу с научной точки зрения, это имя собственное. Понимаете, я думал, что вы ваш племянник.

– Думали, что я мой племянник? Почему я должен быть моим племянником?

– Я считал, что это его комната.

– Мы с племянником поменялись комнатами. Терпеть не могу спать на последнем этаже. Боюсь пожара.

Впервые с начала нашей беседы я немного взбодрился. Подлость старого хрыча возмутила меня до такой степени, что на миг я даже перестал ощущать себя лягушкой, которую переехала борона. До последней минуты это ощущение буквально сковывало меня по рукам и ногам. Зато теперь я осмелел настолько, что стал смотреть на этого облаченного в розовую пижаму труса с презрением и ненавистью. Мой тщательно продуманный план так бездарно провалился только из-за того, что старый хрыч одержим малодушным страхом и предпочел, чтобы Таппи вместо него поджарился на огне, случись такая крайность, как пожар. Я бросил на старикашку презрительный взгляд и, кажется, даже хмыкнул.

– Уверен, ваш камердинер должен был сообщить вам, – сказал сэр Родерик, – что мы намереваемся поменяться комнатами. Я его встретил перед обедом и просил уведомить вас о наших планах.

Голова у меня пошла кругом. Нет, мало сказать «пошла кругом». Это неожиданное известие сразило меня наповал. Выходит, все это время Дживс знал, что старый хрыч будет спать в постели, которую я собираюсь протыкать штопальной иглой! Знал и допустил, чтобы я шел на погибель, ни словом не предупредил. Это было выше моего понимания. Я стоял как громом пораженный. Пораженный насмерть.

– Вы сказали Дживсу, что собираетесь ночевать в этой комнате? – прошептал я.

– Да. Будучи осведомлен о том, что вы с моим племянником состоите в дружеских отношениях, я желал избавить себя от вашего возможного визита. Признаться, мне и в голову не приходило, что упомянутый визит ожидается в три часа ночи. Какого черта, – рявкнул он, внезапно распаляясь, – вы рыщете по дому в этот час?! И что это у вас за штука?

Я вдруг понял, что все еще сжимаю в руке палку. Честное слово, в шквале эмоций, вызванных предательством Дживса, это открытие явилось для меня полной неожиданностью.

– Штука? – сказал я. – Ах да!

– Что означает ваше «Ах да!»? Что это такое?

– Видите ли, это длинная история…

– Ничего, у нас впереди вся ночь.

– Вот, собственно, как было дело. Прошу вас представить себе, как пару месяцев назад я мирно сидел после обеда в «Трутнях», никого не трогал и задумчиво покуривал сигарету… – Я умолк.

Старый хрыч меня не слушал. Он изумленно таращил глаза на кровать. Оттуда на ковер что-то капало.

– Господи!

– …покуривал сигарету и болтал о том о сем… – Я снова умолк. Старикашка приподнял одеяла и уставился на труп грелки.

– Ваших рук дело? – спросил он тихим, задушенным голосом.

– Э-эм… да. По существу, да. Я как раз собирался вам объяснить…

– А ваша тетушка еще старалась меня убедить, что вы не сумасшедший!

– Я и вправду не сумасшедший. Совершенно не сумасшедший. Если вы позволите объяснить…

– Не позволю.

– Все началось…

– Молчать!

– Хорошо. Молчу.

Он сделал носом несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Моя постель насквозь промокла!

– Началось с того…

– Замолчите! – Он еще посопел. – Вы, жалкий несчастный идиот, – снова заговорил он, – потрудитесь объяснить мне, где находится комната, которая предназначалась для вас?

– Этажом выше. Часовая комната.

– Благодарю. Думаю, я ее найду.

– А?

Он грозно пошевелил бровями.

– Я намерен провести остаток ночи в вашей комнате, – сказал он, – полагаю, постель там находится в пригодном для сна состоянии. А вы можете со всеми удобствами расположиться здесь. Желаю покойной ночи.

Он встал, а я остался стоять дурак дураком.

Мы, Вустеры, старые служаки. Мы стойко переносим превратности судьбы. Однако сказать, что меня обрадовала перспектива провести здесь ночь, значило бы покривить душой. Один-единственный взгляд на постель убедил меня, что спать в ней и думать нечего. Золотая рыбка была бы довольна, но Бертрам – нет. Оглядевшись вокруг и решив, что самое подходящее место для сна – это кресло, я похитил с кровати пару подушек, уселся поудобнее, набросил на ноги коврик, лежавший перед камином, и принялся считать овец.

Однако толку от этого было мало. Мой бедный котелок кипел, до сна ли тут. Открывшееся мне черное предательство Дживса вспоминалось вновь и вновь всякий раз, когда я готов был погрузиться в сон; ночь тянулась нескончаемо долго, становилось все холоднее. Я как раз размышлял, удастся ли мне вообще когда-нибудь заснуть, как вдруг голос у самого моего уха сказал: «Доброе утро, сэр». Я вздрогнул и открыл глаза.

Мне казалось, что я ни на минуту не задремал, но, видимо, все-таки задремал. Ибо шторы были подняты, в окна лился дневной свет, и Дживс стоял передо мной с чашкой чаю на подносе:

– Веселого Рождества, сэр!

Я слабой рукой потянулся к живительному напитку. После двух-трех глотков мне стало лучше. Правда, я испытывал боль во всем теле, а черепушка была налита свинцом, но теперь хоть мысль работала более или менее четко. Я остановил на предателе ледяной взгляд и приготовился задать ему жару.

– Говорите, «веселого»? Значит, по-вашему, «веселого», да? – начал я. – Позвольте вам сказать, все зависит от того, что вы вкладываете в прилагательное «веселый». Если вы, кроме того, полагаете, что будет весело вам, то вы ошибаетесь. – Я сделал еще один глоток чаю и продолжал холодным тоном, отчеканивая каждое слово: – Хотелось бы задать вам один вопрос. Вы знали, что сэр Родерик Глоссоп будет спать в этой комнате, или нет?

– Знал, сэр.

– Вы в этом признаетесь!

– Да, сэр.

– И вы ничего мне не сказали!

– Не сказал, сэр. Я подумал, что более благоразумно этого не делать.

– Дживс…

– Если позволите, я объясню, сэр.

– Попробуйте!

– Я догадывался, что умолчание с моей стороны, возможно, вовлечет вас в несколько затруднительное положение, сэр…

– Стало быть, догадывались?

– Да, сэр.

– В таком случае я вас поздравляю – ваша догадка блестяще оправдалась, – сказал я, делая очередной глоток черного китайского чаю.

– Но мне казалось, сэр, будь что будет, все к лучшему.

Я хотел ввернуть пару теплых слов, но он лишил меня этой возможности:

– Я предположил, учитывая ваши взгляды, сэр, что, обстоятельно все обдумав, вы предпочтете, чтобы ваши отношения с сэром Родериком Глоссопом и его семейством оставались скорее сдержанными, нежели сердечными.

– Мои взгляды? На что?

– На матримониальный союз с мисс Гонорией Глоссоп, сэр.

Меня словно током ударило. Дживс открыл мне глаза на оборотную сторону дела. Я вдруг понял, к чему он клонит, понял в мгновенном озарении, как несправедлив был к этому достойному человеку. Я-то считал, что он посадил меня в лужу, а на самом деле он всячески старался вытащить своего господина из этой самой лужи. Прямо как в одном рассказе для детей: однажды ночью некий странник идет куда-то, а его собака вцепилась ему в штанину и не пускает. «Отпусти! Ты чего, Пират?» – говорит он собаке, но она держит его, и ни в какую; он пришел в ярость, кричит на собаку, ругает ее последними словами, но собака будто не слышит; вдруг луна выглянула из-за облаков, и странник видит, что стоит на краю пропасти, еще шаг и… в общем, вы поняли мою мысль: я о том, что точно такая же история произошла сейчас со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pelam-vudhaus/posovetuytes-s-dzhivsom/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

В целом (лат.).

2

Берти перевирает известное латинское выражение «Ne sutor supra crepidam», букв. – «Пусть сапожник судит не выше сапога».

3

Шаловлива (фр.).

Комментарии

1

…с девизом загадочным «Эксцельсиор»… – из стихотворения Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Эксцельсиор» (1842).

2

…не уступающий Хокшоу… – герой пьесы Т. Тейлора «Человек с пропуском» (1863).

3

Фош Фердинанд (1851–1929) – французский маршал.

4

Гудвуд – ипподром близ г. Чичестер, граф. Суссекс.

5

Грифоны – длинношерстные легавые собаки.

6

…и в человеках благоволение… – несколько искаженная цитата из Библии, Лк.: 2,14.

7

Сквош – род упрощенного тенниса.

Купить: https://tellnovel.com/pelam-vudhaus/posovetuytes-s-dzhivsom-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити